

На правах рукописи

Зяц Сергей Михайлович

**Мифотворчество и религиозно-философские искания
Максимилиана Волошина на перепутьях Серебряного века**

Специальность: 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
2016

Работа выполнена на кафедре общеобразовательных и социально-экономических дисциплин государственного образовательного учреждения «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко» (Бендерский политехнический филиал)

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор **Пинаев Сергей Михайлович**

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор **Громов Михаил Николаевич**
главный научный сотрудник Института философии РАН;

доктор филологических наук, доцент **Круглова Татьяна Сергеевна**
профессор кафедры «Перевод и переводоведение» Пензенского государственного технологического университета;

доктор филологических наук, профессор **Федотов Олег Иванович**
профессор кафедры филологического образования «Московского института открытого образования»;

Ведущая организация: **Институт мировой литературы им. А.М. Горького**

Защита диссертации состоится 27 января 2017 года в 14-00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.203.23 при РУДН по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, ауд. 730.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru/> и <http://dissovet.rudn.ru>.

Автореферат разослан _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Базанова Анна Евгеньевна

Общая характеристика работы

Современная культура немислима вне процессов мифологизации духовного бытия человечества и его демифологизации.

Именно в таком аспекте целесообразно рассматривать творчество Максимилиана Волошина как мыслителя и художника слова, творившего и жившего на переломе и изломе эпох, принятых сегодня называть Серебряным веком.

Исследование творческой индивидуальности, ее философские искания, духовное становление в контексте историко-литературного процесса конца XIX – начала XX в. явление многоаспектное, предполагающее совокупность литературоведческого и философского осмысления.

Именно сейчас на рубеже веков и тысячелетий творчество поэта становится предметом пристального внимания исследователей литературы, о чем свидетельствует ряд литературоведческих работ, вышедших в России и за ее пределами в течение последних 35 лет. Так, начиная с 1981 года, прошло девятнадцать международных научно-практических конференций «Волошинские чтения», результатом которых являются сборники научных статей, где с разных сторон рассматривается творческое наследие Максимилиана Волошина в контексте переломной эпохи рубежа веков, наполненной богословскими и философскими поисками, ставившей поэта в пограничную ситуацию сакрального выбора пути.

Несмотря на то, что мифотворчество является знаковым для поэтического сознания М.А. Волошина и привлекает внимание многих волошиноведов, нет специальных исследований, посвященных мифотворчеству, философским исканиям и духовному становлению поэта на перепутьях Серебряного века, что определяет *актуальность* работы, которая связана с потребностью современной науки в типологических исследованиях, где выстраивается парадигма художественных реализаций, высказанных в форме метаязыка, который позволяет рассмотреть типологические закономерности; в поиске новых подходов к тексту как смыслообразующему устройству, в обнаружении интертекстуальных связей, «вечных» мифобиблейских ценностей, расширении уровней познания, выявлении различных сюжетных и метасюжетных модификаций в волошинском хронотопе. Сюжетно воплощенное событие мифобиблейского текста и его значение – это его смысловые уровни. Мифобиблейский текст с его первичной формой образного моделирования реальности и глубоким содержательным потенциалом осмысляется индивидуально-авторским сознанием, создающим новые тексты, и различно функционирует во времени. Переосмысление текста происходит благодаря разным семантическим и синтаксическим единицам, которые становятся для автора и читателя структурно значимыми. Парадигма волошинского творчества определяется системой функционирования текстов в инвариантной структуре мифобиблейской традиции в контексте порубежной эпохи.

Степень изученности и разработанности темы можно признать недостаточной. Обращения к явлению метасюжетных трансформаций и вариативности, к смыслообразованию в процессе сюжетного и типологического моделирования в современном литературоведении носят частный характер, и нуждается в дальнейшей разработке. В нашем исследовании процесс мифотворчества М.А. Волошина в свете его философско-религиозных исканий и парадигма сюжетных модификаций осмысливаются в соответствии с духовной эволюцией Максимилиана Волошина. Особое внимание в типологических моделях уделено мифобиблейскому сознанию и происходящим в сознании трансформациям на «вещих перепутьях» Серебряного века.

Литература живет по своим законам и *памятью* других типов словесного творчества. По мысли В.А. Беглова, чем более зрелой выступает литература и чем более совершенным оказывается конкретное произведение, тем более *архетипически* ориентированным оно себя проявляет. Архетипы – это своего рода знаки самоидентификации элементов *внутреннего мира литературного произведения...* себя в пространстве и времени. Архетип, сохраняя свое значение и функции, не разрушается, а видоизменяется, проявляя себя в новых формах на новых исторических этапах.

Мифологические и библейские мотивы являются одними из сквозных мотивов в русской литературе. Архетипический сюжет, основанный на мифобиблейской традиции, выступает смыслопорождающим и сюжетообразующим компонентом в структуре художественного наследия М.А. Волошина, к которому один из первых обратился украинский исследователь И.Т. Куприянов, написавший диссертацию на тему «Формирование поэтической личности Максимилиана Волошина» (Киев. 1971), на основе которой вышла книга «Судьба поэта» в 1979 году.

Следует указать, что к данной теме на широком историческом и биографическом фоне прикоснулись патриархи волошиноведения: В.П. Купченко, В.А. Мануйлов, А.В. Лавров и Н.Я. Рыкова. В.П. Купченко, В.А. Мануйлов и А.В. Лавров осуществили ещё в 1988 году грандиозное издание в серии «Литературные памятники» сборника критических и литературоведческих статей Максимилиана Волошина «Лики творчества», предисловие к которому написал известный поэт Сергей Наровчатов. Этот же год отмечен сборником «Избранное» Максимилиана Волошина. В 1991 году вышло в свет издание «Максимилиан Волошин. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников» с примечательной вступительной статьей Захара Давыдова и Владимира Купченко «Я – голос внутренних ключей...» Миф и мир М.А. Волошина». Книга является одним из основных источников исследования мифотворчества М.А. Волошина. Следует отметить огромный вклад в исследование творчества М.А. Волошина известного ученого и литературоведа С.М. Пинаева, автора книги в серии ЖЗЛ «Максимилиан Волошин, или себя забывший бог», новейшего исследования «Поэт ритма вечности. Пути земные и духовные возношения Максимилиана Волошина», посвященных личности поэта, его антропософским и творческим исканиям;

следует отметить книгу В.В. Полонского «Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX-XX веков: история, поэтика, контекст», где рассматриваются художественно-эстетические диалоги между литераторами Серебряного века, религиозно-философский контекст эпохи.

Творчество Максимилиана Волошина все более привлекает современных исследователей и ученых. И, конечно же, мифопоэтика крымского художника не остается без внимания. В 1990 году к теме духовного мира в диссертации «Сонеты Максимилиана Волошина» обращается Т.А. Кошемчук; в 1999 году появилось интересное исследование Н.Г. Арефьевой «Античные мотивы в творчестве М.А. Волошина», где автор обратил внимание на роль античного мифа в мировоззрении М.А. Волошина. Образ Волошина-эзотерика, поэта, обладающего мистическими и оккультными наклонностями, «эзотерическим космосом», описывает И.А. Кобзев (2000 г.); в диссертации «Поэтическая эсхатология Максимилиана Волошина» (2000 г.) И. А. Путенихина исследует надмирную позицию Максимилиана Волошина перед лицом трагических исторических событий.

В 2002 году в своей диссертации «Историософские и психологические аспекты концепции России в поэзии Максимилиана Волошина» В.В. Чагина затронула мифологический аспект, оказавший влияние на формирование творческого лика М.А. Волошина, его историософию; в 2003 году состоялась защита диссертации И.В. Булгаковой «Мир и человек в художественном сознании М. Волошина», где автор обращает внимание на миф, как на миромоделирующее начало в творчестве Волошина; книга «Поэты маргинального сознания в русской литературе начала XX века: М. Волошин, Е. Гуро, Е. Кузьмина-Караваева» С.Н. Буниной вышли 2006 г., где автор показал поэтическое мироощущение в пороговой ситуации; в 2007-м – Д.В. Шабашов предложил диссертационное исследование «Образ Востока в творчестве Максимилиана Волошина», где также обращается к мифопоэтике и космосу поэта. Продуктивно пишет о влиянии теософского мифа на раннее творчество М.А. Волошина крымский исследователь И.В. Левичев; в диссертации «Книги М.А. Волошина "Стихотворения 1900-1910" и "Selva oscura" как лирическая диалогия» Т.А. Хорошавиной рассматривается лирическая диалогия М.А. Волошина как результат процесса метациклизации. Безусловный интерес представляет работа В.В. Палачевой «Поэма «Путиами Каина» в контексте культурфилософских исканий М.А. Волошина» (2003 г.), в которой исследователь показывает глубинную связь мироощущения М.А. Волошина с мифологическими и библейскими преданиями; в работе Н.В. Сухоруковой «Поэтика циклических форм в книге М.А. Волошина «Годы странствий» прослеживаются два центрирующих концепта поэтического самосознания М.А. Волошина: странничество и всеединство, что находятся в тесной связи с мифотворчеством поэта.

Данные исследования способствуют пониманию творчества М.А. Волошина, однако носят характер частного узнавания одного или нескольких сторон мифопоэтики и мифотворчества М.А. Волошина.

Следует отметить, что к творчеству М.А. Волошина проявляли огромный интерес его современники, среди которых следует выделить статьи-воспоминания: М.И. Цветаева «Живое о живом», Евгении Герцык «Воспоминания», Е. Кривошапкина «Веселое племя «обормотов», Георгий Шенгели «Киммерийские Афины», Андрей Белый «На рубеже веков», В.Я. Брюсов «Максимилиан Волошин», И.А. Бунин «Волошин», Эмилий Миндлин «Необыкновенные собеседники», Евгений Архиппов «Коктебельский дневник», Лидия Аренс «О Максимилиане Волошине». Безусловный интерес представляет первый биографический обзор Евгения Ланна «Писательская судьба Максимилиана Волошина». Особо следует отметить воспоминания отца Арсения, который являлся духовником Максимилиана Волошина, знал его духовное и нравственное состояние.

Особое внимание мы уделили в своём исследовании научной работе немецкого ученого А.Г. Ханзен-Лёве «Русский символизм и система поэтических мотивов» (Санкт-Петербург, 2003).

Данная диссертация дает возможность представить мифотворчество Максимилиана Волошина в контексте его философских исканий и духовного становления, характерных для эпохи рубежа веков.

Личность, осознающая себя как субъект мироздания, стремящаяся создать свою особую модель мира, – программно-теоретическая дефиниция творчества Максимилиана Волошина. Он не просто поэт, но мифотворец и миротворец, если вспомнить утверждение Марины Цветаевой, духовная эволюция которого вписана в историко-литературный, философский и богословский процесс рубежа веков.

Цели исследования:

1) на основании сравнительного анализа проследить развитие инварианта духовной эволюции М.А. Волошина, выявив сходства и различия текстов, и определить этапы становления творческого пути поэта в контексте эпохи Серебряного века; 2) выявить особенности типологии библейских и мифологических образов и мотивов в творчестве М.А. Волошина, выяснить, как с помощью канонических текстов-кодов постигаются конкретные жизненные ситуации, как, трансформируясь, метасюжет демонстрирует свою устойчивость, оставаясь способом художественного осмысления и организации событий; 3) отразить процесс воплощения мифа и лика в поэтическом мироощущении М.А. Волошина в контексте его религиозно-философских исканий на перепутьях Серебряного века; 4) показать, как индивидуально-авторское сознание моделирует новые варианты, трансформируя сюжеты и метасюжеты на уровне структуры и смысла.

Задачи исследования:

1). Выявить особенности религиозно-философских исканий М.А. Волошина на рубеже XIX-XX веков, которые непосредственно оказали воздействие на формирование личности и творчества поэта; 2) объяснить особенности мифотворчества М.А. Волошина (киммерийский миф, зеркальность как способ постижения мироздания, апофатический стиль

изложения и др.); 3) показать уникальность восприятия Максимилианом Волошиным концепции *русского пути*; выявить специфику нравственной позиции художника в период русских революций и гражданской войны; 4) отразить взаимосвязь духовных исканий поэта с системой ценностей символизма и неореализма, показать переосмысление мифологических (миф об Актеоне, киммерийский миф и др.) и библейских образов, например, Неопалимой купины в творчестве Максимилиана Волошина, отметить эволюцию духовного мира поэта от теософского мифа к библейскому преданию; 5) определить особенности функционирования архетипического сюжета, сюжетообразующих и взаимообусловленных мотивов мифобиблейской традиции в системе анализируемых произведений; 6) показать механизм трансформации архетипических сюжетов в мифотворчестве Максимилиана Волошина.

Научная новизна работы заключается в том, что автор диссертации обращается к проблеме, изучение которой требует дальнейшей разработки. Системно-аналитически осмыслено поэтическое мифотворчество М.А. Волошина в контексте его идейно-философских исканий, мировоззренческой эволюции от античного мифа к библейскому тексту в контексте эпохи Серебряного века с учетом творческих взаимоотношений поэта с представителями русской культуры рубежа веков. На материале творчества М.А. Волошина впервые описаны формы и пути реализации мифобиблейского сознания на перепутьях Серебряного века; впервые предпринята попытка рассмотреть на обширном материале творческого наследия Максимилиана Волошина типологию конкретных мифобиблейских образов в большом временном охвате, в хронологической последовательности. Исследуя литературное творчество в типологическом освещении, анализируя интертекстуальные связи в контексте волошинского хронотопа, наши изыскания движутся от структурного анализа инварианта, выявления разных уровней понимания мифобиблейских текстов к парадигме их репрезентативных вариаций и описанию соотношения традиционных и индивидуально-авторских контекстов и смыслов этих вариаций. В рассмотренных произведениях прослежена трансформация мифологических и библейских образов и мотивов, сюжетов и метасюжетов на духовное становление М.А. Волошина. Предлагается репрезентация мифопоэтических моделей в различных видах литературного творчества: лирике, эпосе, критических эссе, теоретическое осмысление и представление механизма отражения, преломления и преобразования мифобиблейских сюжетов и образов как процесса сложного, глубинного, сознательного и бессознательного, отражающего результаты работы индивидуально-авторского сознания в понимании всевременной проблемы «вечности» и «мгновения».

Выявлена волошинская концепция особого русского пути, которая зиждется на христианской сотериологии и эсхатологии, что способствовало пониманию духовной эволюции поэта.

Выявлены внутривидовые взаимодействия элементов, многообразие литературных типов и ликов творчества в различных социокультурных контекстах, свойственных эпохи рубежа веков (конец XIX – начало XX в.). Выявлен волошинский метасюжет, который строится на семантических комплексах христианской сотериологии и эсхатологии. Автором решена научная проблема взаимообусловленности и иерархичности жанрового, внутривидового и художественного анализа и синтеза, имеющих важное значение для изучения поэтического пути М.А. Волошина и литературоведения.

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что в ней представлена типология мифопоэтических образов в творчестве Максимилиана Волошина в контексте эпохи Серебряного века, выявлена взаимосвязь духовного пути поэта с мифотворчеством как одним из способов постижения и преобразования мира и человека, рассмотрено творчество поэта в религиозно-мифологическом аспекте, показаны смыслопорождающие модели в художественном наследии Максимилиана Волошина, способствующие понять истинное предназначение человека в нравственно-философском и богословском аспекте.

Практическая значимость работы заключается в том, что она может быть использовано при изучении курса истории русской литературы конца XIX – начала XX века, эпохи Серебряного века, для ознакомления с творчеством поэта в школе и ВУЗе, окажет помощь исследователям художественного наследия Максимилиана Волошина.

Поставленные в работе цели определили **методы и приёмы**, которые в ней используются: **сравнительно-исторический**, позволивший на широком историко-литературном фоне рассмотреть проблему мифологических и библейских образов в творчестве Максимилиана Волошина в контексте его духовных исканий; **историко-культурный**, помогающий рассмотреть этапы духовного пути поэта в контексте поставленной в исследовании проблемы; **структурно-семантический**, предоставивший возможность выявить структуру библейских и мифологических образов в контексте духовных исканий М.А. Волошина, художественное произведение рассматривается как система разноуровневых отношений, при этом уровни выделяются на основе оппозиций, Предпринята попытка определить своеобразный спектр структурных отношений: внутривидовые взаимодействия элементов, типологию структур, реализацию множества вариантов определенного структурного инварианта, многообразие внешних структур в различных социокультурных контекстах, основываясь, по мысли Юрия Тынянова, на «анализе структурных законов языка и литературы и их эволюции». Данный метод позволяет выявить структурно-семантические типы в творчестве Максимилиана Волошина; **типологический**, помогающий выявлять инвариантные закономерности развития структурных функций на основе сопоставления функционально эквивалентных литературных явлений. Этот метод исследования помог в определении типологии мифологических и

библейских образов волошинского наследия в их сочетании с традициями русской и мировой литературы.

Теоретической базой стали труды видных литературоведов и философов – Вл. Соловьева, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, А.Ф. Loseва. Теоретическую основу составили принципы структурного и типологического методов, разработанные Д.С. Лихачевым и Ю.М. Лотманом, теория Д.М. Лихачева о концентрации в концептуальной сфере языка культуры в целом, теория М.М. Бахтина о диалогической природе образотворчества, учение Б.О. Кормана об авторе и субъектной организации художественного произведения, формах выражения авторского сознания в нем. Мы следуем за К. Юнгом, понимающим под архетипами не столько образно-символические представления глубинных явлений человеческой психики, «коллективного бессознательного» (К. Юнг), сколько «сквозные», «порождающие» модели словесного творчества; за представителям «мифологической критики Н. Фраем, создавшим концепцию литературного архетипа на мифологической основе, внутри которой отождествлявшем миф и архетип, применяющим понятие мифа к повествованию, а архетипа – к его значению, смыслу; за теоретиками литературных архетипов в лице М. Элиаде, рассматривающего архетип в значении «парадигмы», «праобраза, служащего примером», С.С. Аверинцевым, указавшим на многоуровневую структуру архетипа, Е.М. Мелетинским, А.Х. Гольденбергом, который, соглашаясь с основными положениями современных исследователей о типологической повторяемости, абстрагированности, матричности как способности архетипов продуцировать на своей основе новые варианты протообразцов, наследственности, способности передаваться от поколения к поколению, вносит свой существенный вклад в разработку теории архетипов. Архетип представляется синонимом мифологемы, образа, матрицы и символа. Исходя из этого расширенного понимания термина «архетип», автор исследования делает акцент на способах и приемах реализации архетипов в литературном творчестве.

Художественные произведения, создаваемые в хронологической последовательности, имеющие в своей основе общий мифобиблейский образный структурный ряд, рассматриваются нами как *парадигма типологически разнообразных моделей* одной и той же основы. Системно-структурный анализ художественных текстов, включающий в себя изучение различных типологических оппозиций, утверждает нас в понимании «текста как смыслопорождающего устройства» (Ю.М. Лотман).

Необходимым условием изучения поставленной проблемы, «способность обозначить реальное разнообразие векторов эволюции внутри литературы» является анализ, предложенный исторической поэтикой А.Н. Веселовского, «процессов имманентной художественной динамики жанра и стиля».

Парадигматический ряд выстроенных Максимилианом Волошиным моделей на широком историческом фоне эпохи Серебряного века, отображающих и изъясняющих антиномичность его образной системы, дает

возможность проследить путь ключевых образов и причастных к этим образам мотивов, проанализировать и понять суть системы с устойчивым канонизированным типом кодировки, увидеть историю религиозно-философских исканий и духовного становления поэта на перепутьях Серебряного века, которые М.А. Волошин воспринимал как «вещие».

Объектом исследования являются стихотворные циклы М. Волошина: «Годы странствий»(1901-1904), «Когда время останавливается»(1903-1905), «Amorі Amara Sacrum» (1902-1906), «Звезда Полярная»(1904-1907), «Киммерийские сумерки»(1906-1909), «Киммерийская весна» (1910-1926) книга «*Selva Oscura*» (1910-1917), книга поэм «Путями Каина» (1922-1926) и неизданные при жизни поэта «Неопалимая Купина» и «Паралипоменон», а также статьи из книги «Лики творчества» и «Записные книжки». Выбор объекта исследования обусловлен тем, что, начиная с 1900 года, мифопоэтика и библейские образы, своеобразно разветвляясь в своих смысловых значениях, органично вплетаются в художественную систему поэта, во многом определяют духовно-творческий путь Максимилиана Волошина. Их выбор определялся их репрезентативностью для выстраивания типологической парадигмы сюжетных модификаций. Корпус произведений художественного наследия М.А. Волошина выделен с помощью кода – мифобиблейского поливариативного сюжета, содержащего в своей структуре генерализирующий мотив, связанный с духовными исканиями поэта на перепутьях Серебряного века.

Предмет исследования – различные формы и средства реализации мифотворчества Максимилиана Волошина, сюжетообразующие мифопоэтические модели, составляющие парадигму метасюжетных модификаций. В работе использованы воспоминания современников, составившие мемуарную книгу «Воспоминания о Максимилиане Волошине», дневниковые записи самого поэта.

Основные положения исследования, выносимые на защиту:

1. Поэтическая система Максимилиана Волошина строится на смысловой интенции, благодаря которой возможен процесс мифотворчества и уникального жизнестроительства, что особенно свойственно духовным исканиям представителей русского символизма, влияние которого Максимилиан Волошин испытал на раннем этапе творчества. Для произведений Максимилиана Волошина такой смысловой интенцией является поиск идеала, создание своей мифологической модели мироздания, в которой жизнь есть текст, а текст – жизнь, где мифобиблейские образы и метасюжеты сливаются с литературными сюжетами в универсальном синтезе бытия. Процесс создания мифа мы условно разделяем на четыре этапа: а) узнавание себя, «заключенным в темнице мгновенья»; б) поиск идеала, который позволяет увидеть самую суть вещи, явления, человека; в) переживание апокалипсического трагизма бытия; г) слияния своего поэтического «я» с множеством исторических, библейских, мифологических персонажей, с реальными людьми, вступающими с художником в процесс взаимодействия и жизнестроительства, «вечное возвращение» в прошлое, чтобы устремиться в

будущее. Выявленная закономерность универсальна для созданных мифопоэтических моделей Максимилиана Волошина.

2. Программно-теоретической дефиницией религиозно-философских исканий поэта явились библейские образы Христа и Неопалимой Купины, сквозь призму которых происходило узнавание *русского пути*, в котором создались лики, ставшие сущностными для мифотворчества Максимилиана Волошина.

3. Мифопоэтические модели, созданные Максимилианом Волошиным, например, миф о *Поэте и Киммерии*, его *теософские осмысления*, а также *постижение русского Пути* являются смысловой доминантой, парадигмой, определяющей сюжетную, образную и мотивную структуру его художественного мира, составляют суть его поэтической индивидуальности, его личностного восприятия действительности, его особого мифотворческого взгляда на мироздание. Созданные Максимилианом Волошиным мифы выступают в качестве языка, затрагивая извечную проблему самоопределения личности в мироздании, имплицитно или эксплицитно присутствуя в текстах, составляют онтологическое поле и являются результатом онтологического сознания.

4. Поэтический мир и религиозно-философские искания М.А. Волошина определяются такими мифологемами, как *Дом, Огонь и Солнце, Луна и «Звезда польнь»*, библейскими образами *Сеятеля и Неопалимой Купины*, фольклорным образом *древнерусского Китежа*, осмысленные с богословских позиций концепты *Лик и личина*, а также *киммерийским мифом*, в основе которого античный мифологический код; являются *вариантным значением мифа о Поэте*. Пытаясь слиться с Вселенной, поэт идентифицирует себя с образом *Христа и библейских пророков, Одиссеем и Подмастерьем святого ремесла, вестником ирреального мира*, что подчеркивает уникальность творческой личности Максимилиана Волошина.

5. В механизме порождения мифологических моделей участвуют: а) смысловые координаты инвариантной структуры мифобиблейских метасюжетов, потенциально предполагающие вариативность; б) индивидуально-авторское сознание, моделирующее новый художественный вариант ситуации, вобравший в себя конкретное жизненное событие и особенности исторической эпохи и культурного развития общества; в) память личностная (авторская) и сверхличностная (память культуры), которая ретроспективно отсылает читателя к архетипу.

6. Мировосприятие поэта в пространственно-временных координатах является антиномичным, он в маргинальном пространстве, он скиталец и путник, ожидающий встречу со Светлым или темным ликом, но и нерв эпохи, ее летописец, поэтому так актуальны для творчества и религиозно-философских исканий Максимилиана Волошина дихотомии: *Лик и личина, Мгновение и Вечность, Луна и Солнце* и т.д. В основе его мифотворчества мистические противоположности, вне которых невозможен путь к всеединству.

7. Типология текстов с единой структурной единицей (коллективный метаисторический сюжет), выявляющая сходства / различия, проецирует

горизонтальные и вертикальные межтекстовые связи, подразумевает многочисленные многоуровневые межтекстовые и внутритекстовые диалоги (диалог авторского сознания с сознаниями героев; диалог творческой личности (автора) с жизнью; диалог с мифом; диалог времени и вечности; диалог с культурой).

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на Международных Волошинских Чтениях в 2009-м, («Мой дом раскрыт навстречу всех дорог...») 2011-м («Совопросник века сего...»), 2013-м («Вселенная свободы и любви»), 2015-м («Пойми великое предназначенье...») годах. Основные положения и идеи диссертации изложены в периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Значимым для апробации результатов исследования стало сотрудничество с Домом-музеем М.А. Волошина в Коктебеле (Крым, Россия), выступления с докладами перед сотрудниками Дома-музея, учеными и любителями творчества М. Волошина; на научных семинарах в Приднестровском государственном университете им. Т.Г. Шевченко, перед учеными Башкирского государственного университета (Стерлитамакский филиал), перед учеными кафедры русской и зарубежной литературы РУДН.

Структура работы: диссертационное сочинение состоит из Введения, шести глав, Заключения и библиографии, включающей свыше 370 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *«Введении»* рассмотрены приоритетные направления современного волошиноведения, обоснованы актуальность избранной проблемы, научная новизна, методология, теоретическая база, определены предмет, объект, методы и приемы исследования, сформулированы цели и задачи, теоретическая и практическая значимость работы, а также формы апробации результатов исследования.

В первой главе – «Миф, мифопоэтика и библейские аллюзии в творчестве Максимилиана Волошина» – рассматриваются основные этапы развития науки о мифе.

В первом параграфе – «Понятие о мифе, мифотворчестве и библейском образе, их влияние на формирование творческого пути Максимилиана Волошина» - показана роль мифа и библейского образа в литературном процессе, даются определения мифопоэтики и мифотворчества. Человек не просто творит миф об окружающем его мире, он стремится воплотить его в своей жизни, пытаясь, стать центром мироздания. Например, Ф. Шеллинг считал, что миф – часть органической природы, мифология же – высочайший первообраз поэтического мира. В понимании Ф. Шеллинга мифология отражала встречу с бесконечной природой и сверхчувственными антиномиями. Происходит поиск нового мифологического бытия и личности, творящего миф, создание модели мироздания.

Представители русской философии и филологии стремились рассмотреть миф во всей его многоаспектности (происхождение, функции, воздействие,

обрядовость и т.д.). История, язык, слово и время - это то, что определяет мифологическую концепцию А.Н. Афанасьева, в основе которой лежит сравнительно-исторический метод. Зерно мифического представления о мире кроется, по мысли А. Н. Афанасьева, в первоначальном слове, что само по себе является мифическим. Т.е., можно говорить о целостности мифа и слова. Именно такой взгляд на слово и миф исповедует Максимилиан Волошин. *Миф и слово – единое целое, ядро его мифопоэтики, которое составляет основу его духовного пути, фундамент, на котором будет строиться здание, модель поэтического мира, особая форма мирозерцания и мышления.*

Целостность мифа, его происхождение явились отправной точкой для литературоведения и философии XX века, у истоков которых стояли такие философы, как Ф. Ницше, Р. Вагнер и А. Бергсон. Особое место занимает Ф. Ницше, который непосредственно оказал влияние на французский и русский символизм, на творчество М.А. Волошина. В своем мифотворчестве Ф. Ницше совмещает два противоположных начала: «дионисийское» и «аполлоническое», из которых рождается музыка жизни, понимаемая как подлинное искусство, являющееся первоосновой бытия.

Являясь ярчайшим представителем «неомифологизма», Ф. Ницше создает свой новый миф о бытии человека, в основе которого трагедия, из которой рождается музыка как высшая форма созерцания и деятельного постижения жизни во всех ее проявлениях. У Ф. Ницше символ и музыка, дионисийство и аполлонизм связаны в единое целое как творческий акт, идущий, с одной стороны, к демифологизации и старых архетипов, и к созданию новых. В какой-то степени обнаруживаем ницшеанские рецепты Рихарда Вагнера, считавшего, что миф и музыка являются основными духовными составляющими «мистического самоутверждения» личности.

Философия Ф. Ницше не могла не оказать влияние на мирозерцание Максимилиана Волошина. Достаточно в этой связи обратить внимание на его литературно-критические эссе «Аполлон и мышшь», «Индивидуализм в искусстве», «Апофеоз мечты», где так или иначе поэт размышляет о аполлонистическом и дионисическом путях человека. Искусство как для Ф. Ницше, так и для М.А. Волошина становится не только специфической сферой художественного мышления, но и частью создания единого потока духовного пути человечества. Все становится предельно обостренным. «Неомифологизм» вызван стремлением конкретной личности сказать **новое слово о человеке**.

Литература и искусство воспринимается как универсальные формы отражения и познания бытия. Человек начинает осознавать себя большей и значимой частью макрокосмоса. «Неомифологизм» в искусстве XX в. выработал и свою, новаторскую поэтику – результат воздействий как самой структуры обряда и мифа, так и современных этнологических и фольклористских теорий. В основе ее лежит циклическая концепция мира, «вечное возвращение» (Ф. Ницше).

Несколько иного типа религиозно-философскую концепцию мифа и мифотворчества создает А.Ф. Лосев в своем фундаментальном труде «Диалектика мифа»(1927), где он излагает следующие тезисы:

Миф – не вымысел, не идеальное бытие, не научное построение, не метафизика, но осязаемая действительность, не схема, не аллегория, но символ, тождественный личности, не поэзия, но интуитивно-инстинктивное единство. А.Ф. Лосев вводит особую категорию Лица. Лик – это выражение личности, ее «образ, картина, смысловое явление..., а не субстанция». В то же время лик есть проявление онтологического бытия.

В основе мифологической концепции А.Ф.Лосева, по его собственному признанию, лежит миф «глазами самого мифа», что сближает мировоззрение поэта и философа. По мысли А. Ф. Лосева, «миф – «подлинная и максимально конкретная реальность». В философско-эстетической системе А. Ф. Лосева миф понимается как «отрешенность от смысла».

Наряду с теорией А.Ф.Лосева важнейшим фактором в понимании творчества М.А. Волошина явилась историко-психологическая концепция К. Юнга, который ввёл в мифологическую науку понятие архетипа как первичного образа. В волошинском творчестве архетипы представляют собой стержни, на которые нанизывается его поэтика.

Важную роль в исследовании выполняет анализ текста в понимании Ю.М. Лотмана, что дает возможность представить мир поэтической личности М.А. Волошина как целостную систему, в основе которой структурные и знаковые отношения.

В этой системе важную роль выполняют мифологемы, авторские образы, построенные на системе традиционных парадигм, структура которых формируется на древних мифологических основаниях. Эту же функцию у Волошина выполняют и архетипы, «праобразы», идеальные, по Платону, «эйдосы».

Мифотворчество М.А. Волошина видится своеобразной знаковой системой, в основе которой различные символы-знаки являются оригинальными кодами, благодаря которым поэт постигает мироздание.

В этой связи стоит отметить мысль Ю.М. Лотмана о том, что любой текст выступает не просто как источник информации, но как ее возбудитель. С одной стороны он формирует определенные эстетические ценности, с другой – их разрушает.

Вне проблемы метафизичности Слова исследование творчества М.А. Волошина было бы неполным, поэтому важно понять само понимание слова как такового, так как «поэт берет слово уже эстетизованным, но мыслит эстетический момент как принадлежащий существу самого слова и этим превращает его в мифическую или метафизическую величину» (М.М. Бахтин).

Существует интенциональный ряд, отличающий мифотворчество XX века от мифологического предания: во-первых, трансцендентной силой, господствующей над человеком, выступает не природа, а созданная им самим цивилизация, отчего мифологическое мироощущение приобретает трагический

характер; во-вторых, новый миф рождается в ситуации глубинного одиночества автора; в-третьих, мифотворчество XX века отличается глубиной авторской рефлексии.

Мифотворчество становится не только средством к обновлению жизни, но и ее преобразению. Поэт осознает себя личностью, причастной к универсальным формам Бытия. При этом не просто прикасается к формам, но воспроизводит их, т.е. мифотворит. Мифотворчество, таким образом, необходимо понимать как процесс конструирования мифа, тесно связанного с его древними формами. В этом, кстати, отличие мифотворчества от мифологизма, который использует готовые сюжеты в художественных целях. К мифотворчеству примыкает мифопоэтика, в основе которой наличие собственных мифотворческих построений, усиленных представлениями-концепциями самого автора.

В исследовании показывается духовное становление поэта, творчески преобразяющего себя и мир, что связано с личностью Христа, с библейским метасюжетом. Путь к Христу открывает для Максимилиана Волошина размышления о Богочеловечестве, толчок к которым дало творчество Владимира Соловьева.

Понимание личности и ее соприкосновение с Богом у Вл. Соловьева есть своеобразная попытка воссоздания Богочеловека, становление человека духовного. Эта идея находит свое закономерное продолжение в творчестве Максимилиана Волошина, человек в его понимании - **странник «по вещим перепутьям»**.

Странничество в духовном смысле слова является возвращением человека к Первобытию, где происходит «обожение» человеческого лица. Эта мысль о духовном человеке была близка М.А. Волошину. *Потребность соединить жизнь, веру и творчество является программно-теоретической дефиницией духовного пути Максимилиана Волошина.*

В целом же взгляды на мироздание М.А. Волошиным сводятся к следующему: 1) миф есть представление о жизни человека, его метафизической и художественной реальности; 2) миф - это постижение человеком сущности бытия и его преобразования через Слово; 3) мифобиблейский метасюжет, встроенный в парадигму сюжетных модификаций, служит пониманию личности как богочеловека; 4) в то же время личность воспринимается двуипостасно: а) как лик Божий, созидающий и творящий свой микро и макрокосм; б) как личина, разрушающая мир и собственно человека, который есть «средоточие вселенной» и центр мироздания, участник метаисторического эквивалентного процесса.

Во втором параграфе – «Мифотворчество Максимилиана Волошина на «вещих перепутьях» Серебряного века» – рассматривается процесс формирования творческой личности, которая начинается с осознания себя как части мироздания в контексте философских исканий поэта, его взаимодействия с представителями русской литературы и философии порубежной эпохи.

Это была эпоха, когда творческая индивидуальность стала показателем своего времени и мироздания в целом, когда резко выдвинулось вперед и углубилось именно личностное начало творчества, став в центре аксиологической шкалы ценностей эпохи Серебряного века, эволюционно разветвляясь внутри литературного и культурологического процесса. Художественный же образ моделирует индивидуальное или коллективное сознание, состояние личности или состояние мира как в их данности, так и в их потенциальности.

1. М.А. Волошину свойственно погружение в античную мифологию, образы которой становятся частью его художественного мира.

2. Мифопоэтическое сознание М.А. Волошина было близким мифотворчеству поэтов-символистов и философов, живших на рубеже веков, у каждого из которых был свой миф: у Андрея Белого это миф об аргонавтах; для А.А. Блока это миф о Прекрасной Даме; для К.Д. Бальмонта – это миф о Солнце, преображающем мир; для Вяч. Иванова миф о «Дионисийстве»; для С.М. Городецкого – возврат к старой русской языческой традиции; для М.И.Цветаевой – весь мир есть миф, иносказание, символ. Последняя наиболее близка М.А. Волошину, для Марины Цветаевой процесс мифологизации и мифопоэтичности есть процесс духовного преображения мира и человека, создания своей модели мироздания.

3. Мифотворчество М.А. Волошина представляет собой акт грандиозной драмы человеческого духа, в котором поэт имеет «несомненное право голоса», что является ярко выраженным интенционалом символизма, идеи которого на определенном этапе творческого пути были близки Максимилиану Волошину.

В центре внимания II главы – **«Мифотворчество Максимилиана Волошина как путь постижения мира и человека»**, состоящей из шести параграфов, – гипотеза, согласно которой философские искания в контексте эпохи Серебряного века, становление духовного облика поэта и мыслителя М.А. Волошина проходят через осмысление мифологических и библейских образов в их совокупности и взаимовлиянии.

В первом параграфе – **«Начало пути: Быть заключённым в темнице мгновенья»** – рассматривается мифотворчество М.А. Волошина, которое зиждется на понимании: а) полноты бытия времени и пространства; б) мгновения как элементарной частицы времени, в которой запечатлено вечное; в) преодоление времени за счет возвращения в прошлое или устремления в будущее.

Высшая точка соприкосновения времени и пространства – человек, который творит миф о себе. Поэтому уже в первой книге М.А. Волошина «Годы странствий» ряд стихотворений посвящен людям, с которыми конкретно был близок М.А. Волошин и которые становились частью его художественной реальности (Андрей Белый, Ольга Муромцева). В них он стремится открыть лик, срывая всяческие маски.

Определяющим для поэта являлся цикл стихотворений «Когда останавливается время» (1903-1905гг.). Цикличность восходит не только к

процессу мифотворчества, но и является своеобразным жанровым образованием, свойственным литературе рубежа веков. Цикличность поэтического творчества М.А. Волошина тесно связана с цикличностью истории. Эта идея открывала для него перспективу осмысления духовного бытия человека на основе уже устоявшихся архетипов и мифологем. В волошинском цикле каждое стихотворение - показатель того или иного этапа его **духовного становления, его творческого пути**. Например, образ **остановившегося времени** восходит к библейскому сюжету, описываемому в книге «Иисус Навин». Для поэта остановившееся время – это мгновение, точка соприкосновения времени и пространства, через которые проявляется лик человека, его подлинная сущность, его пророческое видение. Такое понимание времени и пространства вписывается в контекст религиозно-мифологических исканий поэтов рубежа веков (В.Я. Брюсов – цикл стихотворений «Мгновение», Андрей Белый - «II симфония» и др.). Выстраиваясь в единое целое, стихотворения данного цикла благодаря библейскому образу - остановившегося времени - формируют своеобразную концептуальную мифологему: время - мгновение – вечность. Поэт рассматривает время как духовную субстанцию, в которой через синтез времени и пространства проявляется человеческая суть, рождая эсхатологический взгляд на вселенную, на что указывал сам М. А. Волошин в статье «Аполлон и мышь».

Во втором параграфе – «Миф о жертвенной любви в её зеркальном отражении. Поэт и эдипов миф» – М.А. Волошин прямо говорит о жертвенности и страдании в любви, тем самым выявляя **жертвенность** как сквозную тему и главную особенность мистериального духа. Идея жертвенности здесь, безусловно, отражает христианскую версию эсхатологического мифа. Для поэта жертва – это искупление во имя жизни и любви.

М.А. Волошин создает историософскую концепцию пути. Миф становится частью личности и истории в неразрывном их единстве. И в этом единстве поэта в первую очередь интересует человек. М.А. Волошин отмечал: «Человек – это книга, в которую занесена история мира». Поэт в мгновении пытается обнаружить вечность. Согласно волошинскому мирозерцанию, человек – часть природы, но и природа часть человеческого существа, его неотъемлемое составляющее. Эта волошинская концепция истории основана на античном мирозерцании и понимании природы. Человек античного мифа считал себя частью природы и не выделялся из нее. Поэт создает в деталях бытия целостную картину человека и природы или, лучше сказать, воссоздаёт личность, проявляющую себя в каждой черточке мироздания. Важным является мотив возвращения к истокам мироздания. Возвращение личности заключало в себе поиск Бога, символизировало собой приобщение к Первобытию, в котором у человека были доверчивые отношения с Богом, когда он стремился: «Все видеть, все понять, все знать, все пережить» («Сквозь сеть алмазную зазеленел восток»).

В данном параграфе выявляются значимые концепты для определения творческого пути М.А. Волошина: перекрёсток мирозданий, странник, скиталец и важнейший образ Поэта-Прохожего, вплетённые в миф о любви («Таиах»).

Волошинские представления о любви - это миф, это сосредоточие земного и божественного, где два влюбленных познают друг друга в пути.

В конструировании своего мифа М.А. Волошин использует мотив зеркальности, в которой проявляется трагедия личности, осознающей разорванность бытия. Человек для М.А. Волошина - странник в мирах любви, в мироздании. Поэтому обращение к мифу об Эдипе показательно. В основе известного мифа заложена идея ответственности личности за свои поступки, как бы они ни были предопределены роком.

Цикл *«Amorі Amara Sacrit»* трагичен по своей сути. *Волошинское мифотворчество встроено в духовные антиномии и «праобразы», обладающими многоуровневыми смыслами, способствующие уникальному моделированию особого поэтического мира.*

Для Максимилиана Волошина этот цикл - еще один этап творимого им мифа не как иллюзии, но как части земного и онтологического бытия. Этот миф многоаспектен и многофункционален, он ослепляет и преображает.

Третий параграф – «"Звезда полынй". Своеобразие эзотерической поэтики» – рассматривается эсхатологическое и эзотерическое переосмысление космогонических мифов о мироздании.

Для данного цикла характерно то, что в нем воедино сплетаются древнеэлинский миф, теософия, христианство. *Волошинские мифологемы ясно перекликаются с античным мифом и библейским преданием, совмещая традиции в единой парадигме.* В данном разделе **Слово** не просто данная человеку реальность, но Слово-логос.

Слово, творимое и творящее, несет в себе акт созидания и преображения, акт возврата к истокам бытия, когда был совершён первородный грех, за который необходимо понести возмездие, чтобы очиститься и восстановить Богочеловеческий лик. *Время становится сакральным, где в мгновенном прозревается вечное, а вечное узнается в мгновенном, где таинство жизни и смерти есть основа единой мистерии духа, являясь важнейшими концептами волошинского художественного мира.*

Древний образ «Матери-земли» связан с осознанием смерти и плодородия как цельных этапов в потоке бытия, что отвечает традициям русского символизма и восходит как к античной мифологии, так и к Святому Писанию. Рождается единство дольного и горнего: так распинается в поэте божественное слово. В архетипе Матери-земли М.А. Волошина волнует мысль о сущности и истоках бытия, и он будет неоднократно возвращаться к нему впоследствии. Отметим, что данный образ является одним из центральных структурно-семантических ядер всего творчества М.А. Волошина.

Поэт стремится выстроить единый, характерный для теософии, универсальный мифопоэтический ряд: Огонь – созидающий и разрушающий; седмичный круг дней, символизирующий акт Божественного творения и

восходящий как к Кабалистике, так и к книге Бытия; Луна – чувственное, страстное начало; Солнце – источник энергии и света, огня, жизни; Сатурн – Пра-Вселенная. Этот теософский ряд для поэта и был своеобразным ключом в постижении тайн мироздания.

Весь цикл «Звезда полынь», как уже отмечалось, проникнут христианскими и эзотерическими исканиями М.А. Волошина, составляет этап его духовного роста. Важно отметить, что этот этап духовного роста воплощен, на наш взгляд, следующим:

1) сознание своеобразия архетипов, на которых выстраивается бытие человека, в котором поэт – метеор, врывающийся в мифологическое предание и реальную действительность; 2) христианские мотивы и библейские образы становятся определяющими для поэта как фактор преобразования мира; 3) единство мифа, эзотерики и христианского метасюжета для М.А. Волошина представляется актом творческой реальной жизни, стали *частью его духовного становления, обретения образа, отражённого в гранях бытия.*

В четвёртом параграфе – «Стихотворения «Руанского собора» как ступени крестного пути» - рассматривается так называемое пятое семилетие, которое поэт определил в своей «Автобиографии». Это было время «блуждания духа». Этапы этих блужданий, по словам Максимилиана Волошина, были таковы: «буддизм, католичество, магия, масонство, оккультизм, теософия, Р. Штейнер».

Руанский собор воплощал образ страдающего, оскорблённого человечества, что для готического искусства всегда являлось «затаённым внутренним нервом» (Н.А. Дмитриева). В этом чистом страдающем лице Христа – черты нищего странника, проповедника, обличающего грешников и вмещающего в себя страдание всех.

Обращение художника к готике показательно. Это своеобразное возвращение к истокам Бытия, немислимимым без страданий, так как готическое искусство «трактует миф о Христе, как миф о великих страданиях и скорбящих» (Н.А. Дмитриева).

Руанский собор для М.А. Волошина отражает семь ступеней крестного пути человека, которые необходимо пройти.

Таким образом, несмотря на эзотерику, которой проникнут цикл, в целом он наполнен христианскими и евангельскими образами и мотивами, несшими в себе структурно многоуровневые смыслы, моделируя многогранное художественное бытие М.А. Волошина, формируя его стиль изложения и стиль жизни. И это была не мода, в которой жила мифологическая эпоха рубежа веков, М.А. Волошин сущностно находился в системе христианских ценностей, что и естественно отражалось в его творчестве.

В пятом параграфе – «Максимилиан Волошин и Киммерийский миф» – рассматривается путь человека к Богу, его обращение к Нему. Это обращение возможно только через обретение Родины и своей Пра-Земли, с которой он готов «делить её судьбу». Такой Родиной для поэта являлась Киммерия, из которой он творил свой миф.

Мир в понимании М.А. Волошина преобразуется через хаос. В античной мифологии и христианском видении мира мироздание всегда начиналось с хаоса, чтобы потом преобразиться. В киммерийском мифе для него открывается тема вестничества. Видимо, сам поэт ощущал себя вестником античного и христианского мира, таким образом, предвосхищая герменевтику Г. Гадамера.

В данном параграфе важнейшим является образ Одиссея, странника, с именем которого связан миф о Киммерии. Частью этого мифа становится сам поэт, для которого странничество явилось формой бытия, проявлением Лица. *М.А. Волошин создает свой уникальный миф, в котором легендарное и реальное сочетается вполне естественно и органично.*

Человек, по М.А. Волошину, взаимоотражается в природе, как в зеркале, становится частью ее, тем «растоптанным ликом», через который, исстрадавшись, он преобразуется.

Образ Киммерии в авторском представлении эксплицитно выражен в утверждении явления синестезии, эстетически и философски связанной с сакральным образом Праматери, явив себя частью органического целого мифологического предания и реальной действительности.

Для М.А. Волошина Киммерия – центр мироздания, точка соприкосновения: 1). Подземного и небесного царства, ибо по древнегреческой мифологии Киммерия – это вход в царство Аида. 2). Это воплощение и христианских, и буддистских, и ведических, и скандинавских традиций. 3). «Киммерийские сумерки» – это гибель богов и цивилизаций. Отсюда мотив странничества, устремленности к гармонии, покою. Не стоит забывать, что странниками были: Одиссей, Каин, Христос и Будда. 4). Киммерия – это возрождение в самом себе творческого начала.

Итак, создание М.А. Волошиным мифа о Киммерии - это этап осмысления себя поэтом в пространстве и времени, поиск себя как преображенного Лица в системе кодов мироздания.

В шестом параграфе – «**CORONA ASTRALIS**» как «*свое отношение к миру*» - следует отметить эзотерическую функцию мифа, которая предполагает синтез реально-мифологических воззрений. Один из первых в России венков сонетов: цикл из 15 сонетов, сплетенных в единое целое благодаря повторяющимся строкам, образующим ключевой сонет – магистрал. В «**CORONA ASTRALIS**» выражено эзотерическое (тайное, понятное лишь посвященным) восприятие мира, сложившееся у Максимилиана Волошина благодаря его увлечению оккультизмом.

Сквозная тема венка – тема призвания и судьбы поэта, пронизанная мистической нотой. М.А. Волошин понимает, что поэзия неисчерпаема, и выпить ее до дна невозможно. Дисгармония - одна из реалий мира, но стремление к гармонии есть основа творимого поэтом мифа, в котором можно и нужно познать себя, тем самым приобщившись к божественному Свету. Он не желает «прелестнейшей дисгармонии», подобно Леониду Андрееву, он жаждет истинного света. *Обратим внимание, что Максимилиан Волошин прибегает к*

апофатическому методу, применяемому в богословии, который стал частью его поэтической методологии.

Универсальность мифа о поэте в венке сонетов «CRONOA ASTRALIS» указывает, что для Максимилиана Волошина поэт: 1) жертва во имя преобразования мира; 2) слепец, ослепленный Светом Аполлона; 3) «неверная комета», странник, вестник, стремящийся постигнуть мир через мифы и лики мироздания, вернувшись по новым непроторенным дорогам; 4) он, пришедший в мир, чтобы сказать правду о себе и мире во тьме веков.

Каждый стих ключевого сонета основополагающий в мирозерцании поэта о творчестве и личности: «В мирах любви неверные кометы» - символизирует отношение поэта к себе, как комете, что уникально, к солнцу как источнику жизни и света. Подобно кометам он, то приближается к солнцу, то удаляется: «Полночных солнц к себе нас манят светы» - Ночь является для Максимилиана Волошина открывательницей бездн мироздания. Поэт – изгнанник и скиталец во всех сферах мироздания. Так простая драма личности вырастает в универсальную драму мироздания, где сталкиваются ночь и день, луна и солнце, память и забвение. «CRONOA ASTRALIS» вырастает в символ духовных исканий поэта. Этот венок сонетов завершает книгу «Годы странствий», в которой поэт отразил свои искания в различных эпохах и гранях человеческого познания: оккультизме, античности, древнеегипетской и древнеэллинской мифологии, христианстве; поэт весь устремлен к постижению тайн мироздания, которые готов в себя явно и сакраментально вместить, сотворив «свое отношение» к миру, моделируя поэтический лик, вплетенный в сотериологический метасюжет. В этом уникальность поэтического мироощущения Максимилиана Волошина.

В третьей главе - “Selva Oscura”. **Мифопоэтические блуждания Максимилиана Волошина на перекрестках мироздания**, состоящей из пяти параграфов, – показаны блуждания поэта на перекрестках мироздания, поиск своего творческого лица в мифологических преданиях, узнавание своего творческого «я» в мифе о «Киммерийской весне», выявление своей мифотворческой сути как Подмастерья святого ремесла – поэзии.

В первом параграфе – «Блуждания поэта в Дантовом лесу» – отражается тема жертвенности и странничества, получает своё развитие мифологема **Поэт**. Для М.А. Волошина встреча – это соприсутствие двух поэтов в тайнах мироздания. Встретились два путника, устремленных к темному Небу. М.И. Цветаева писала о М.А. Волошине: «Макс был именно земнородным, и всё притяжение его к небу было именно притяжением к небу – небесного тела».

Проходя искушения, поэт совершает духовное становление и преобразование, в котором обретает Господа. Но заслуга в этом не поэта, а Бога, который пришел в этот мир, дабы взыскать тварь и воплотить в ней свой божественный Лик. М.А. Волошин пишет: «Через грех взыскует тварь Господь» («Замер дух – стыдливый и суровый»).

Осмысляя библейский образ, М.А. Волошин становится соучастником Божественного Провидения о **Поэте**, который, по его мнению, присутствует при рождении нового человека («Пещера»).

М.А. Волошин воплощает ведическую, античную, христианскую традиции и стремится возвести образ **поэта** к образу Божества.

Максимилиан Волошин создает новую модель мира, в центре которой поэт как средоточие мироздания, своеобразный универсум, что полностью соответствует традициям русской культуры рубежа веков и восходит к философии В.С. Соловьёва (см.: стихотворение «Три встречи»).

Подход к своему творчеству как единому целому, при котором отдельные этапы эволюции жизни и творчества поэта, рассматриваемые как части художественного текста, весьма типичен, например, для творчества русских символистов, идеи которых М.А. Волошину были не чужды. *Волошинский «ритм вселенной» все более встраивается в парадигму исторического христианства, становясь его структурной частью.*

Во втором параграфе – **«Киммерийская весна» как глава единого Текста** – прослежено продолжение духовных поисков М.А. Волошина. Если мир есть текст, то миф о «Киммерийской весне» - глава этого текста, продолжающая «Киммерийские сумерки». Художник, развивая тему связи поэта с Праматерью-Землёй, **«вопрошая морские дали»**, творит ещё один миф, в котором воплощает облик своей Киммерии.

М.А. Волошин создают вместе с семантическим центром цикла «измождённой лик иконы» **образ поэта, восходящего к страдающей земле, являющейся для Максимилиана Волошина отражением Небесного Бытия и крестного, жертвенного пути.**

Киммерия для М.А. Волошина – «свиток истории», в котором сливается все: история природы, человека, мироздания в целом. Он осознает себя странником в истории. Заостряется внимание на ключевых образах цикла: Облако и Свиток (Облако – символ скитаний, Свиток – символ истории). Они становятся лейтмотивом всего цикла.

Значимым образом цикла является Коктебель. Для М.А. Волошина Коктебель становится образом Небесного бытия, иконой, в которой отражен лик поэта. Таким образом, миф из области сознания переходил в природу земного бытия, приобретая реальные вещественные формы. Был создан уникальный миф, который согласно А.Ф. Лосеву «есть личностное бытие». А бытие, естественно, неисчерпаемо и многогранно, это перекресток, на котором встречается Бог и человек. *Поэт создаёт модель мира, которая является для него своеобразной исповедью перед Богом.*

Образ поэта-мифотворца связывается в единое целое с образами Одиссея-странника и Христа-изгнанника, которым суждено было вернуться к Праматери-Земле.

Если рассматривать цикл «Киммерийская весна» как этап духовного становления Максимилиана Волошина и его мифотворчества, то следует выделить следующие структурно-семантические элементы: 1). Время и

пространство, которые поэт до предела расширяет или сужает в рамках мифологического сознания: а) смерть - бессмертие; б) мгновение - вечность; в) мироздание и родная земля; г) царство небесное и царство мертвых. 2). Жизнь, протекающая в странничестве и отшельничестве, как своеобразный путь постижения божественной сути. 3). Самореализация личности возможна только через приобщение к родной земле, являющейся иконой небесного бытия и первоисточником всего сущего, связующей горнее и дольнее.

В третьем параграфе – «Мифотворчество Максимилиана Волошина как «великий аноним народа, мифы творящего»» – в центре внимания процесс воплощения Лица в человеке. Поэтому М.А. Волошин стремился изобразить проявление лица, лица, личины в жизни и творчестве его современников.

Цикл «Облики» отражает время, когда поэт творил свой миф о конкретной личности, - Черубине де Габриак (Е.И. Дмитриевой). В процесс мифотворчества он стремится вместить каждую его окружающую личность.

Миф у М.А. Волошина становится одним из средств познания и творения человека. И этот миф связан не только с Черубиной де Габриак, но с М.И. Цветаевой, К.Д. Бальмонтом. Облик К.Д. Бальмонта, представленный в волошинском стихотворении «Фазтон», вписан в мифотворчество, ставшее синонимом жизнестроительства. **Человек должен быть ввергнут в огонь поэтом, чтобы возродиться вновь. И сам поэт должен пылать в этом Священном огне.** Связывая воедино свою личность с личностью своих современников, поэт воссоздает единый миф о своем веке. *Личность в контексте эпохи, личность, как конспект истории, - вот что определяет духовные вехи пути становления Максимилиана Волошина и его осмысление Человека.*

Цикл «Облики» – весьма значимый этап в становлении мифотворчества М.А. Волошина. Миф является средством раскрытия на фоне исторической цепи событий творческого лица в той или иной личности. Поэт видит себя не просто странником во времени и пространстве, создающим свою модель мироздания, но мифотворцем. *Связывая воедино свою личность с личностью своих современников, поэт воссоздает единый миф о своем веке.* Характерно то, что цикл начинается с посвящения Черубине де Габриак, своеобразного мифологизированного образа поэтессы Е.И. Дмитриевой. Причём если в первых стихотворениях звучит мысль о противоречивости бытия личности, то в заключительных сонетах М.А. Волошин стремится воссоздать причину этой противоречивости человека, которая видится ему в природе демонического искушения («Два демона»). Христианский концепт «смирение», основанный на Нагорной проповеди Христа, и мятеж как проявление гордыни и бунтарского демонического духа являются структурно-семантическими ядрами всего цикла. Эти концепты отражают противоречивость человеческого сознания, особенно рубежа веков и символизма.

Путь поэта подобен пути Данте, где много искушений и соблазна, это путь от ада через чистилище в рай. На этом пути используется и эллинский

миф, и библейское предание. Максимилиан Волошин – творец мифа, но и драгоценная его часть.

В четвертом параграфе – *«Лунный миф. Пути преодоления теософского мифа»*- М.А. Волошин создает уникальный миф о Луне.

Важнейшей мифологемой, служащей средством познания человека и мироздания, является Луна. Для М.А. Волошина лунный миф – это этап его духовного становления, преодоления теософского соблазна через, как это ни парадоксально, соблазн. Для него лунный миф не только история человеческой мысли, человеческой цивилизации, но и модель создаваемого мира. Многоаспектность лика Луны поэт видит в проявлении двух стихий: 1) эроса как символа любви и рождения, 2) танатоса – символа смерти и гибели. В этом отношении ясным становится постоянный акцент художника именно на концептуальной дефиниции Лика: «Лик Ужаса», «клеймленный лик», «Яви свой лик на мертвенном агате». Упоминание о том, что Луна треглавая и трехликая показательно. Для М.А. Волошина важна, как и для всех символистов, триипостасность Луны: рождение – жизнь – смерть; разрушение – творчество – воскрешение. Мифологема Луны дает возможность представить путь поэта как постижение своего лика в узорной ткани мироздания. М.А. Волошин подтверждает цветаевскую мысль, что он не только мифотворец, но и миротворец, который пытается осознать свою личностную историю на антиномичных перекрестках мироздания, в сущностном диалоге с ним.

В пятом параграфе – *««Подмастерье» «как поэтический символ веры»»* – выявлено творческое кредо поэта.

Свое поэтическое мироощущение М.А. Волошин воплотил в стихотворении «Подмастерье», которое он считал своим «поэтическим символом веры». М.А. Волошин один из первых разрушал элитарные представления о мифе, творя свой поэтический миф, свой поэтический мир. Это не пушкинский Пророк, принявший в себя божественную миссию «глаголом жги сердца людей». Это Подмастерье Святого ремесла, по выражению Каролины Павловой, где творчество – это борьба с самим собой за голос внутреннего «Я».

Поэт – путник и странник, вечный искатель истины. В этом поиске происходит возвращение человека к его истокам, к первобытию, что соответствовало эстетике символизма и их религиозно-мифологической концепции мира. М.А. Волошин создаёт свой миф, своё понимание о назначении поэзии и поэта. Для него «поэзия – это только догадка, только пророчество, отнюдь не знание»

В стихотворении чётко прослеживается христианская традиция, что говорит о становлении поэта как человека, вобравшего в себя **евангельские** истины и откровения, несмотря на наличие антропософской символики (например, мастер – это, по масонским воззрениям, архитектор нового бытия, в котором всевидящее око не-божественно).

Путь поэта – сугубо личностный путь, это путь к Личности-Слову. Поэт уже не просто мифотворец, но теург.

“Selva Oscura” по структуре отражает путь поэта-мифотворца к поэту-теургу – посреднику между Богом и землей. Целесообразно в этой связи обратить внимание на циклы, входящие в сборник, которые поэтапно этот путь отражают: «Блуждания» - приобщение к тайнам мироздания Праматери-Земли; «Киммерийские сумерки» – со-бытие с Матерью-Землей; «Облики» – открытие различных ликов в мироздании; «Lunaria» – мера постижения божественного и демонического – любви, рождения, смерти и воскрешения. И завершает книгу «Подмастерье» – постижение Максимилианом Волошиным Слова и миссии Поэта, которая видится ему как акт приобщения к Красоте и боговочеловечению. Интересно признание поэта: «я вполне признаю понятия «Вечной Красоты» как мира, уже преображенного человеком посредством искусства».

В IV главе – «Ликотворчество Максимилиана Волошина как путь духовного становления художника в мироздании», включающая в себя два параграфа – рассматривается ликотворчество Максимилиана Волошина как путь духовного становления художника в мироздании, его литературная деятельность в качестве критика-эссеиста, одного из создателей нового художественного метода – неореализма; проникновение художника в таинственный мир искусства; исследуются его мифопоэтические и философские искания перед лицом мироздания.

В первом параграфе – **«Ликотворчество Максимилиана Волошина как образ стояния творческого человека в мироздании»** – рассматривается исповедь Волошина-критика, ищущего свое место в мироздании. Обращение поэта к критике означало поиск смысла существования произведения и автора, нераздельно связанного с ним. Автор и его произведение выступали мифологемой, разноуровневой структурой, вне которой немислимо творчество, немислимо познание человека как личности.

Максимилиан Волошин – создатель критического творчества – неотделим от поэтического. Его мифологическое сознание находится в постоянном поиске лика, которым он хочет познать мироздание. Тесно общаясь с Вяч. Ивановым, Максимилиан Волошин вычертил свое оригинальное отношение к мечте, вне которой немислимо мифологическое сознание. «Мечта есть активное действие высшего порядка <...> Желание - это предчувствие, это наше зрение в будущее <...> Лучи достигают к нам из будущего, и это ощущение мы называем желанием».

Одно из важнейших желаний – создание лика, способного творчески пересоздать себя и окружающую действительность. С этих позиций он будет рассматривать представителей Серебряного века (Валерий Брюсов, Вяч. Иванов, Андрей Белый, Леонид Андреев и др.).

В «Ликах творчества» художник во многом выступал с позиций символистской эстетики. Но М.А. Волошин шире и глубже символизма. Символизм был фундаментом нового отношения к действительности, которое

поэт называл неореализмом. В неореализме постигался лик – смысл и достояние искусства и жизни, в которой это искусство преломлялось. *Его лики не просто психологический портрет – это духовная биография, становление личности в полилоге порой взаимоисключающих сознаний.*

Перед нами поэт и критик, который в своем духовном становлении прошел путь, включающий в себя многообразные дороги познания, создатель уникального мифа о лике и поэте, исповедник слова в сотериологическом смысле, запечатленного самой природой в мироздании, показавший образы стояния и движения творческой личности к «высшей тайне» – лику. В каждом лике поэт выделяет *существенное*, ищет то, что делает голос творческого человека в мироздании, перед лицом Бога, неповторимым.

Во втором параграфе – **«Мифопоэтический и философский путь Максимилиана Волошина в таинственный мир искусства»** - исследуется созидание уникального мифопоэтического лика, сформировавшегося в эпоху Серебряного века, когда русская культура переживала своеобразный философский, богословский и художественный ренессанс. В своем творчестве М.А. Волошин сумел запечатлеть стремление художника и творца к «наивысшей действительности», в которой человек ощущает себя участником Божественной реальности. М.А. Волошин понимает, что истинное творчество должно следовать за искрой сознания. Искра сознания родила человеческую цивилизацию. Волошин прослеживает путь от первичной реальности метода импрессионизма до такого литературного направления как символизм, от которого рукой подать до идеализма. Художественный мир становится значимым, если в нем совмещенность форм, мистического и исторического опыта. Художник же видится создателем новых форм, связующим звеном между горним и земным.

Именно творчество для М.А. Волошина становится краеугольным камнем нового реализма. Творчество стало выступать в качестве самостоятельной реальности, способной преобразовать и воссоздавать эту реальность. В какой-то степени можно говорить о чуде творчества, что приобщает художника к божественной вечности, к *всеединству* бытия. В творчестве достигается синтез искусства и жизни, они становятся тождественны, а значит, реальны.

В области религиозной мыслитель неизбежно соприкасается с тайной, лучше сказать, «высшей тайной», которая для М.А. Волошина была воплощена в лике. Ликом же мог обладать только избранный, способный к преобразованию мира и личности. Творческая личность стала необходимым условием искусства и жизни. Лик, красота и высшая простота – вот путь волошинских устремлений и как художника, и как оригинального мыслителя. *Метафизическая реальность становится частью его художественной реальности.*

В V главе – «Библейский образ "Неопалимой Купины" как воплощение русского пути в мифотворчестве Максимилиана Волошина», которая разделена на пять параграфов, – рассматривается своеобразие волошинского понимания русского пути как «Неопалимой Купины», осмысление войны и

революции. Образ Неопалимой Купины представляет собой программно-теоретическую дефиницию всего творческого пути М.А. Волошина. Свообразие русского пути поэт видит сквозь призму библейских и фольклорных образов и мотивов: Богородица, Китеж, Армагеддон, Сеятель. Поэт изображает духовное становление Лика и его деградацию, превращение в личину; показывает путь поэта как Пророка, Христа и Лазаря, опираясь на библейское понимание мифологем Дом и Поэт.

В первом параграфе – *«Великая Война в понимании Поэта»* – осмысливается образ Неопалимой Купины, горящего и несгораемого пути России, которую М.А. Волошин ассоциирует с Богородицей, идущей за своим Сыном. Это следование связано с традициями русской литературы в лице таких её представителей как Е.А. Баратынский, Ф.И. Тютчев и Ф.М. Достоевский. Поэтика М.А. Волошина тесно связана с грандиозными событиями мировой войны, представленной им как Армагеддон. Данный библейский образ несёт глубинную мысль Священного Писания о том, что истинное возрождение возможно только после окончательной смерти, после Армагеддона. Характерно насыщение поэтических текстов библейскими образами. Сам М.А. Волошин ощущает себя не только поэтом, но пророком, несущим миру Божественную правду, выраженную эксплицитно. *Миф становился реальностью не только на уровне сознания и памяти, но – частью повседневной жизни.*

Для стиховедческого анализа предложено стихотворение «Усталость», в котором русский мыслитель ощущает себя не только пророком, но и путником, участвующим в становлении нового мироздания. Данное произведение завершает цикл «Война». В нём М.А. Волошин фактически совмещает религиозные представления и произведение искусства в одно нерасторжимое целое, как бы подтверждая их изначальную мифологичность. Названная тема продолжается в цикле «Пламена Парижа», где центральным стихотворением выступает «Реймская Богородица». Автор становится значимой единицей текста, как и его героиня, – ядром не только текста, но и вселенной. Он явно не обозначает себя, но обращение к данной теме есть выражение личности. Личность – центр мироздания, участник и сотворец метаисторического сюжета, «жемчужина жемчужин», способная своей Красотой преобразить человеческую цивилизацию, одержать духовную победу над силами зла.

Во втором параграфе – *«Максимилиан Волошин о своеобразии русского пути в контексте Великой французской революции»* – рассматривается следующий цикл из книги «Неопалимая купина» «Пути России», где М.А. Волошин как поэт и философ пытается с христианских позиций, вспоминая события Великой Французской революции, понять смысл происходящего.

Поэт вводит себя и читателя в метаисторию, осознавая трагедию французской революции, в которой он видел истоки русской. Осмысление же могло проходить только на основе мифотворчества, которое в человеке выделяло главное, способствовало преодолению раздробленности сознания.

Пронизывая время и пространство, художник хочет понять и эпоху, и свою личную историю. Личная история и история цивилизации, по Максимилиану Волошину, неразрывно связаны между собой, именно они создают миф о культуре и цивилизации: «Париж, Царьград и Рим – кариатиды». Три града для М.А. Волошина - столпы цивилизации. В них рождался миф о человечестве, и человечество творило миф о себе. Именно три града получили **завещание о мире**.

Именно в годы русской смуты М.А. Волошин исследует события Французской истории, вплетая их в ткань истории русской. Осмысление же событий было уже однозначно библейским. При этом не забывался дух дионисийства, с помощью которого происходило прощание с террором.

Евангельская сюжеты вошли в плоть и кровь творчества художника. Он один из первых понял, что революция несет не освобождение, а возмездие.

Характерно для этого цикла соединение житийной литературы и фольклора, так как М.А. Волошин понимал, что в русской культуре сосуществуют три духовных пласта: мифологический (славянский), христианский и исторический. И все эти пласты находятся в постоянном взаимодействии и взаимоотталкивании.

Следует обратить внимание, что во времена хаоса поэт использует излюбленную сонетную форму. Сонет предполагает гармоничность и следование чётким закономерностям (ещё в древней Элладе даже самые страшные мифы структурно изображались в безупречной форме). В сонете выражена нравственная позиция художника, следующего космическому закону в эпоху сумасшествия.

Своеобразие русского пути для М.А. Волошина заключается в ответственности Руси перед Богом. История, понимаемая мифично и библейски, даёт поэту право надеяться на возрождение даже тогда, когда степень разрушения дошла до последнего кирпичика: «России нет – она себя сожгла, / Но Славия воссветится из пепла!» Прослеживается евангельская мысль, что только после смерти возможно Воскресенье. *Оно будет светлым, потому что будет не умозрительным, но исторически выстраданным.* Через страдание к искуплению, вне которого немислим русский путь, да и славянства в целом. От искупления к преображению русского пути, в финале которого богочеловеческая личность – Христос. *В этом Максимилиан Волошин видит особый сотериологический русский путь.*

В третьем параграфе – «Поиск истоков русской смуты. Лики и личины России» – исследуется обращение М.А. Волошина к древнерусским текстам и сказаниям. Поэт вглядывается в антиномичные лики России.

М.А. Волошин следует русским историческим преданиям, опираясь на них в собственном мифотворчестве, ибо заложенные в их основе мысли о Божьей Благодати, Китеже и Неопалимой купине являются определяющими и помогающими преодолеть демонические начала, преобразуя стихийность и направляя к Абсолютной Свободе – Богу. Изначальность Руси заключена в свободном, как гласит древний миф, славословии божества.

Для Максимилиана Волошина Русь – это огненное слово, прикасаясь к которому гибнет чужеземец. И это Слово есть Неопалимая Купина, библейский образ, ставший центральным в духовной биографии поэта; в этом образе художник готов переплавить мифологические сплавы в горниле православной Истины.

Показывая тёмные (Григорий Отрепьев, Стенька Разин, Емельян Пугачев) и светлые (Аввакум, Небесный Иерусалим, Богоматерь) лики России, М.А. Волошин не мог не показать её личины, которые, в отличие от даже тёмных ликов, не имеют формы. Персонажи, изображенные в цикле «Личины» («красногвардеец», «спекулянт»), лишены божественного света. Представленная же в нём Россия, – это страна, жаждущая свободы без креста, детская и доверчивая страна, желающая построить земной рай.

Лики, темные и светлые, и бесформенные личины представляют антиномичный путь России. Правда, которую Максимилиан Волошин возвестил одним из первых.

В четвёртом параграфе – «Русская усобица и судьба русских поэтов в осмыслении Максимилиана Волошина» – показывается попытка исследования М.А. Волошиным Хаоса и Космоса, Божественного и демонического, Лика и безликости в цикле «Усобица», который открывается стихотворением «Гражданская война». Для М.А. Волошина в гражданской войне виновны все русские люди. Поэтому его позиция как поэта, молящегося «за тех и за других», проникнута милосердием и перекликается с Нагорной проповедью Христа.

Путь России, представленный в стихотворении, – это испытания, которые она выносит с апостольским смирением, чтобы слиться с Богом. М.А. Волошин понимает антиномичность русского духовного пути, поэтому гражданская война видится ему национальной трагедией, Голгофой, на которую идёт Россия. Но это восхождение окажется спасительным, если краеугольным камнем русского духовного фундамента будет любовь, приобщающая к Богу, любовь, заключенная в мудром апостольском слове [см.: 1-е Кор. 13:4-8].

Центральным стихотворением цикла является «На дне преисподней» (1921), где М.А. Волошин сравнивает судьбу поэта с участью пророка, Лазарем и Христом, напоминая жизненные драмы А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, А.А. Блока и Н.С. Гумилёва.

Согласно волошинскому мироощущению Поэт и Русь связаны между собой, как палач и жертва. Русь взвалила на себя крест и несет его на свою Голгофу, но она и сама крест, на котором может быть распят русский поэт. **В этом особенность русского пути.** Каждый поэт должен пройти Голгофу для того, чтобы воскреснуть из гроба во имя Преображения мира, поэтому путь Поэта – это путь Христа. М.А. Волошину необходимо, чтобы каждый читатель осознавал свою сопричастность жертвенному подвигу поэта, историческому самобытию человечества. Отсюда такое обилие библейских образов, реминисценций в его стихотворениях из сборника «Неопалимая купина». Поэт желает, чтобы читатель приобщился к христианскому подвигу, ему важны

библейские образы и мотивы, чтобы пробудить сопереживание с библейской историей, с её вечностью.

Осмысление исторического пути человечества и России, Христа и поэта возносит М.А. Волошина на новый этап его духовного становления. Показательно, что вся книга «Неопалимая купина» представляет собой единое целое. «Война», «Пламена Парижа» – акты грехопадения и искушения; «Пути России» – акт искупления; «Протопоп Аввакум» – жертва во имя искупления; «Личины» – акт нового грехопадения; «Усобица» – искупление через Голгофу снисшедшего в ад человечества в лице России.

В пятом параграфе – ««Возношения» Максимилиана Волошина. Поэт и Сеятель» – в центре внимания цикл «Возношения». Цикл начинается со стихотворения «Посев». М.А. Волошин пишет его свободным стихом, близким к библейскому тексту. Стихотворение восходит к притче о сеятеле [см. Мрк. 4:3-8]. Сеятель и посев – устойчивые образы, которые составляют картину мира поэта. Одним из ключевых произведений книги «Неопалимая Купина» является стихотворное переложение библейского видения Иезикииля, в котором поэт попытался метафорически отобразить борьбу добра и зла, веру в судьбу России, которую, как и Израиль, постигла кара за вероотступничество, но и неизбежно ожидает Воскресение.

Сборник стихотворений «Неопалимая купина» показывает нам новый этап в становлении М.А. Волошина, который определялся не теософской этикой, а христианской, в основе которой – вера в Божественное предопределение *Русского пути. В жизненный и литературный текст Серебряного века входила Святоотеческая традиция и Св. Писание, и начало этому вхождению положил М.А. Волошин.* Если для теософических взглядов Максимилиана Волошина был важен универсализм, восходящий к пантеизму и античному мифологизму, то уже в «Неопалимой купине» этика М.А. Волошина, не отрицающего мифологичности истории, основана на сакральном, догматически-библейском понимании мироздания. Его творчество, его восприятие Бытия и человека переходит на качественно новый духовный уровень, который определяется христианской мистерией духа и литургийностью, устремлено к обожению не гражданина, но человека и Поэта, который предстает пророком и летописцем эпохи, готовый сгореть в горниле ее свершений, преображаясь в новую личность. Божественное бытие окончательно становится живой реальностью для М.А. Волошина, что подтверждал сам поэт и его духовный наставник отец Арсений.

Волошинские циклы отражают не только этапы духовного становления личности поэта, но и представляют собой своеобразную летопись России, историко-литературного и культурного процесса первой трети XX столетия.

В VI главе - Путиами Каина. Литургика Максимилиана Волошина. Дом Поэта – состоящей из двух параграфов – показано осмысление Максимилианом Волошиным исторического пути, пройденного человеческой цивилизацией; влияние материальной культуры на духовный мир человека.

Свою задачу поэт видел в «переоценке материальной культуры». Особое значение приобретает Дом Поэта.

В первом параграфе – «Путями Каина. «Переоценка материальной культуры»» – рассматривается осмысление М.А. Волошиным книги поэм, которую он сам называл трагедией и «переоценкой материальной культуры». Сама книга поэм находится в русле философской и библейской традиции. Эта философская традиция восходит к Эмпедоклу, строящему свою концепцию мироздания на четырех стихиях (огонь, земля, вода и воздух). Имя же Каин отсылает нас к книге Бытия, когда начиналась история человечества, собственно его трагедия. Составители парижского двухтомника М.А. Волошина Б.А. Филиппов, Г.П. Струве и Н.А. Струве называют «Путями Каина» «мистическим рационализмом». Но самое большое влияние, по мнению С. М. Пинаева, на М.А. Волошина оказал Лукреций Кар и его книга «О природе вещей»? в которой душа и Дух являются необходимым фундаментом всего мироздания. Но этот фундамент находится в постоянном драматическом и трагическом конфликте как внутри себя, так и со всем мирозданием. Рассматривая волошинскую концепцию всемирной истории, можно говорить о последовательной цепи антиномичных событий, которые осмысливаются поэтом с этической точки зрения, основанной на христианских ценностях.

В то же время Максимилиана Волошина интересует не только онтологический аспект, но и естественнонаучный. Художник создает свою «Природу вещей», синтез науки и искусства, истории и литературы. И этот синтез М.А. Волошиным мыслится в мифологических категориях, где личностная история представляется ипостасийной. Библейская история для поэта, как указывалось выше, не только духовная реальность, но и реальность материальная. И именно в ней начинается трагедия материальной культуры, которую Максимилиан Волошин, созерцая, переживает.

Следует отметить, что Максимилиан Волошин первым на перепутьях Серебряного века создает уникальную поэтическую историю мировой цивилизации. Его уникальность заключается в том, что практически все представители русской исторической литературы начала XX века обращались к историческим событиям той или иной эпохи, но, пожалуй, никто не затрагивал всеобъемлющей проблемы мировой цивилизации: ее истоков, эволюции и будущего завершения. Касались частных, М.А. Волошин же постигал сущность мироздания и Бытия.

Книга поэм «Путями Каина» при всем её трагизме является оптимистичным взглядом поэта на историю мироздания. В этой книге происходит, по мысли М.А. Волошина, окончательное обожение человека, вспомнившего своё первоначальное Бытие. «Путями Каина» писались одновременно с «Неопалимой купиной», что говорит о неразделимости поэтического сознания художника, верящего, что мир, сгорая, не сгорит. Это книга, в которой М.А. Волошин, завершая этап своих философских исканий, приглашал своих читателей к спасительному пути, воплощенному во Христе. *В*

спасении же произойдет реконструкция человеческого естества, что является целью метаисторического процесса.

Во втором параграфе – **«Литургика Максимилиана Волошина. Дом Поэта как средоточие и перекрёсток мироздания»** – рассматривается обращение поэта к русской истории, к личности инока Епифания, восхождение М.А. Волошина к литургике как смыслу бытия, где фундаментом является Владимирская Богоматерь, ставшая для поэта не просто историческим архетипом, но живой реальностью, что свойственно литургическому богослужению.

Такое понимание пути человеческой цивилизации не могло не подвести М.А. Волошина к созданию таких стихотворений, как «Сказание об Иноке Епифании», «Владимирская Богоматерь», «Поэту» и «Дом поэта». Творческий путь поэта подходил к своему завершению, и в этом завершении виделось высочайшее духовное и поэтическое становление его. Не напрасно Волошин возвращался к XVII веку, в котором он видел истоки тех смутных явлений, потрясающие современное ему общество. Не напрасно было обращение к Аввакуму и эпохе Аввакума. Кроме бакунинской черты, Максимилиан Волошин видел в неистовом Аввакуме и человеческие черты, которые спасительны, преображающие природу и человека. М.А. Волошин узрел новое в старой уходящей Руси.

В человеческом и обыденном, поэт, видимо, желал узреть стойкость веры, потому-то он вновь обращается к «Житию» Аввакума. Работая над сказанием о соратнике Аввакума старце Епифании, художник опирается на его Житие, воспроизводя архаическую лексику, свободный стих, что говорит о постоянстве позднего М.А. Волошина, его обращенности к историческому христианству.

Характерно, что М.А. Волошин обращается к жанру сказания, которое, как известно, выступает на стыке житийной и светской литературы, и появляется в переломные моменты национальной или человеческой истории.

Художник и пророк ассоциировал себя и свое время с «бунташным» и раскольным веком, в котором происходили удивительные и чудесные события.

Поражает в «Сказании» не только чудо, но, в отличие от «Жития» протопопа Аввакума, беззлобность, проникновенность доброты и никакого самолюбования своей персоной. Автор – церемониймейстер традиции, даже если это касается его личных страданий. Есть констатация факта и понимание, что идет борьба, и это борьба не с человеком, но за человека с властителем тьмы – дьяволом. Это делает «Сказание» более каноничным.

Можно сделать вывод, что «Сказание об иноке Епифании» есть произведение, в котором поэт воскресил архетипические сущности святости, премудрости, борьбы Бога и дьявола, слова и молитвы. Художник показывает путь человека, ведущего через жертвенность и страдание, через смерть и искушение, к победе Добра и Любви, которые достигаются только через огненные испытания, поэтому образ огня является центральным в «Сказании». Безусловно, для Максимилиана Волошина любовь огненная, она горит, не

сгорая, подобно Неопалимой Купине, горит, забирая к себе лучших, чтобы они стали светильниками, путеводными звездами человечества.

Для М.А. Волошина, совершенно очевидно, это являлось краеугольным камнем его философии, в конце жизни приближающим его к богословию. Именно богословие Божьей Матери – важнейшее звено в «Сказании», оно связывает этапы жизненного пути, восхождение инока к Богу. И показывает это М.А. Волошин блестяще, используя свободный стих, так близкий к фольклору и библейской традиции. В творчестве М.А. Волошина форма стала полностью органически сливаться с содержанием. Библейское понимание Бытия основано на Любви и на Правде, на созидании из душевного человека духовного и свободного.

И хранительница этой свободы и веры для поэта была Божья Матерь. Эту веру олицетворяет для художника человек – Неопалимая Купина – Владимирская Богоматерь, которая воплощает в себе три архетипических начала: деторождения, жертвенности и чудодейственности.

Волошинская Богородица - это Божественное Откровение. Огонь иконоборчества, который должен был сжечь Образ, преобразился в огонь созидания, т. е. став той сущностью, которая определила сознание поэта. И потому икона для художника нерукотворна и чудодейственна, а лик матери, воплощенный в земные краски, наполнен страданием и болью, жертвенностью и любовью.

Образ, явленный в иконе Владимирской Богоматери, безусловно, с одной стороны, конкретен, с другой же – вне времени и событий. И в этом смысле непостижим, «так как икона не изображает божество, она указывает на причастие человека к божественной жизни» – писал Л.А. Успенский в книге «Богословие иконе Православной Церкви». Эту миссию причастия поэт выполнил в своём стихотворении «Владимирская Богоматерь»

Лик России, её предназначение связаны, по М.А. Волошину, с трагичностью жертв. И эти жертвы воспринимаются сквозь призму библейских образов Христа и Богоматери, которые являются не просто эйдосами, а отправными точками (сущностями) в духовном пути поэта. Выстраивая духовную сущность поэта, подводя итог, он пишет стихотворение «Поэту», в котором выражена евангельская идея: «Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся. / В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога». Явно прослеживается реминисценция с евангельским повествованием [см. Лк.23:39-43], где Господь прощает разбойника, введя его в рай. Поэтому для художника разбойник равнозначен праведнику, ибо каждый может стать богом. Но, чтобы стать богом: «Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся. / В каждом разбойнике, чти распятого в безднах / Бога».

Волошинский поэт-пророк выше толпы, он подобен пушкинскому, который «хвалу и клевету приемлет равнодушно», но он, родившийся в скорбные для России дни, должен чтить и видеть в каждом Лик Божий. Так выстраивается в единое целое образ Богоматери, жертвующей во имя человечества, образ России, которая несёт в себе лик Софии, Неопалимой

Купины и образ самого поэта-пророка. Иными словами, Родина – Бог – Пророческое служение. Такова сущность бытия, по Максимилиану Волошину. И каждый из этих концептов наполнен особым волошинским смыслом, восходящим к библейским традициям и традициям русской религиозной философии (в частности, Вл. Соловьёва, Н. Бердяева, Л. Карсавина и др).

Центральным является стихотворение «Дом Поэта». Основная мифологема стихотворения – Дом. Дом, как известно, в любой мифологии ассоциируется с началом человеческого бытия и его финалом. Для М.А. Волошина его родной кокетельский дом – это средоточие всех вселенских путей как во времени, так и пространстве, место духовных поисков поэта, но и гостеприимный кров. Волошинский дом в этом смысле восходит к евангельской притче о доме, произнесённой Христом в Нагорной проповеди [см. Мф.7:24-27].

Три сущностных ипостаси наполняют Дом своим содержанием: 1) Реальное, земное. 2) Вневременное или всеобщее-историческое. 3) Духовное.

Средоточие этих трёх ипостасей - сама личность Поэта – хозяина-жреца-служителя в Доме-храме.

У каждой грани Поэта и Дома есть свое сущностное **содержание**. Так история, человек и его духовное бытие не только связываются в единое целое, но и рожают новое метафизическое представление поэта о мироздании, **где центром является Дом Духа, рожденный Землей**.

М.А. Волошин выстраивает единый структурно-семантический стержень: человек-поэт-пророк. Его поэт и созерцатель роковых зрелищ, и пророк, и часть духовного исторического бытия человечества, желающий стать всем. Его предназначение быть средоточием всех рас, культур и цивилизаций. Такая позиция позволяет поэту быть соприкосновением земного и небесного. Он, подобно Христу, обречен на жертву во имя искупления человека логосным Словом. Соприкосновение этих двух начал рождает новое понимание, новое прочтение исторического процесса, где поэт, с одной стороны, его созерцатель, а с другой – участник. Более того, центр, вокруг которого ведется борьба добра и зла. Он в центре всех исторических переломов: в этом его миссия. Это есть путь открытия в себе Лица Божия, сотворение Нового Человека. Высшая мудрость, высшее духовное прозрение М.А. Волошин видит в восхождении к Лику, ибо «только ликом утверждается дух мироздания». И этим самым значимым Ликом для поэта был Христос. В Нем М.А. Волошин видел Грядущее России, ее физическое, нравственное, духовное восстановление и возрождение. И это возрождение есть радость, которую дарит волошинское искусство, волошинский лик, вписавший себя в кокетельский пейзаж мифологической Киммерии.

Можно констатировать тот факт, что в волошинском творческом пути синтезированы мифологические и библейские традиции с *его художественной реальностью, с реальностью мироздания*.

В «**Заключении**» отражены результаты исследования, обобщены итоги работы.

Мифотворчество М.А. Волошина представляют собой уникальное явление как художественное средство постижения человека самим себя на пути к Богочеловеческому Лику. Этот путь начинается для Максимилиана Волошина с осознания кровной связи с Пра-матерью-Землей, она для него источник творческого преобразования бытия. Но этот путь немислим для него без сотериологии и эсхатологии, которые становятся определяющими для такого литературного направления как модернизм, разветвляющегося в конце XIX-го – начале XX вв. на символизм, акмеизм, футуризм, неоромантизм и неореализм, к которому и относил себя Максимилиан Волошин.

Рассматривая творчество Максимилиана Волошина как поэта-мифотворца, мы вправе утверждать следующее: а) он прошел в своем духовном становлении путь от теософа и масона, в котором боролись демоническое и божественное, к той творческой личности, в которой восторжествовал Лик божественного; б) каждый его сборник даже своим названием указывает на вехи духовного пути поэта. В этом отношении облик М.А. Волошина – это образ поэта-странника, стремящегося обрести Мудрость, Любовь, Красоту и Свободу. Начав с блужданий в сумрачном лесу и странничества по киммерийским сумеркам, он приходит к киммерийской весне, опаленной Неопалимой Купиной, освящающей его коктебельский Дом Поэта, став вестником светлых миров, где творческая личность есть необходимое условие искусства и жизни. Мифологический текст в новых культурных и исторических условиях, благодаря авторской памяти и памяти культуры (сверхличностной) в новом тексте (актуальном сюжете) присутствует (явно или неявно) и в своей имманентной структуре включает потенциальную возможность генерирования новых смыслов, создающих новую художественную действительность, выраженную в актуальных сюжетах. Смыслообразующие функции трансформаций мифобиблейских сюжетов-архетипов репрезентированы через разнообразные модели волошинского творчества. В формировании актуальных сюжетов важную роль сыграли координаты смыслового пространства архетипических сюжетов, способных разворачивать свои потенциалы, а также память – личностная и сверхличностная. Порожденные авторским сознанием, варианты есть реализации инвариантной сущности с разнообразной концептуальностью.

Модификации мифобиблейских сюжетов-архетипов – это концепции, в которых по-новому раскрываются отношения с мирозданием. В каждой модели наблюдается движение авторского сознания от структуры инварианта к личностно-авторским дефинициям и миромоделированию.

Универсализм Максимилиана Волошина есть не что иное, как стремление в конечном итоге «вечно» возвратиться к истокам первобытия, что находится в русле платоновской философии, на основе мифологических и библейских образов, центральными из которых были Киммерия, Одиссей, Бог, Христос, Божья Матерь, Неопалимая купина. Это связывает мифотворчество Волошина с системой ценностей русского символизма и неореализма, зиждущихся на фундаменте романтической философии Ф. Шеллинга, дионисийской концепции

Ф. Ницше и творчестве деятелей русского религиозного Ренессанса, которые золотыми буквами вписали себя в трагическую и переломную эпоху рубежа веков. Особо следует отметить духовное влияние Вл. Соловьева, год смерти которого (1900) М.А. Волошин считал годом своего творческого рождения.

Антиномия Божественного и демонического, языческого и христианского является дефиницией мифотворчества поэта, которое возможно понять только в хронологической последовательности. М.А. Волошин как поэт-мифотворец и миротворец, по слову Марины Цветаевой, создает свою систему ценностей, свою модель мироздания, в основе которой - мистерия духа, она всегда сакральна и литургична, обращена к «высшей тайне» - лику.

Жизнь и творчество для Максимилиана Волошина является единым сказанным словом – мифом о себе, где слово выступает как Логос, как Реальность, как Преображение. Сакральность, ритуальность мифа, наиболее присущие ему функции, находят свое воплощение в мифотворчестве поэта. Мистицизм и религиозность Максимилиана Волошина есть продолжение романтических и символистских традиций с той лишь разницей, что поэт в своих духовных исканиях сумел преодолеть демонические искушения романтизма и символизма, тем самым отличаясь от многих представителей литературы Серебряного века, так и не сумевших преодолеть соблазны трагической эпохи войн и революций рубежа веков (достаточно вспомнить Александра Блока, Валерия Брюсова, Андрея Белого, Леонида Андреева и др.).

Мифотворчество Максимилиана Волошина зиждется на трех основных пластах, важных для русской культуры в целом: мистицизм, мифология (в которую входит как русский фольклор, так и языческие предания других народов) и христианство. Совмещение этих трех начал в мифотворчестве Максимилиана Волошина делает его духовный путь насыщенным и неповторимо своеобразным. Его личность стала подлинным проявлением Божественной и человеческой сущности Поэта, который, по Волошину, является Подмастерьем святого ремесла, где создателем выступает Творец всего сущего – Божественный. Лик, в котором «высшая тайна» бытия.

Богоизбранность поэта для Максимилиана Волошина - долг, та ноша, вне которой немислим творческий лик, тем самым творчество становится актом самосожжения, сотериологического пути во имя осуществления божественного замысла в мироздании. Поэт – точка соприкосновения между горним и дольным, перекресток мирозданий, *непохожий Прохожий, привносящий мифологическое предание в реальную действительность, неверная комета, идущая по непроторенным дорогам*. Поэт в переломные моменты истории может быть не только Подмастерьем Великого Божественного Мастера, но и, подобно Иезекиилю, пророком, что приближает волошинское понимание роли поэта к пушкинскому (что наиболее ясно проявилось в стихотворении «Пророк»), для которого дар поэта выступает как профетический, принадлежащий Богу, Слово Которого и должен нести истинный Поэт. При этом М.А. Волошин призывает поэта быть человеком в высоком смысле этого слова, стать ликом, свитком *и летописцем истории*. В этом отличие

киммерийского художника от представителей Серебряного века, для которых человек – центр мироздания, но вне христианской эсхатологии (например, горьковский гимн Человеку, блоковские красногвардейцы «без креста»).

Поэт не только рыцарь Красоты, он молитвенник за судьбы человечества и России, при этом М.А. Волошин ясно показал особый русский путь, где Русь выступает в качестве *огненного слова*, свойственный русскому культурологическому духовному типу. Это путь разинских и пугачевских падений, демонических радений, но и святости Серафима Саровского, разбойника Опы, восставшего из гибельного пепла, чтобы запылать иноческим огнем спасительного воскресения.

Став во время революции и гражданской войны над схваткой, поэт не покинул своего голгофского креста, вне которого Максимилиан Волошин не мыслил творчество, ставшего для него синонимом жизнестроительства.

В страшную и лихую годину Максимилиан Волошин берется за осмысление мировой истории и цивилизации («Путями Каина»), совершая в жизненном тексте реконструкцию человеческого естества, рождая в своем мифотворчестве соединение реальности с библейским метасюжетом. Именно на переломе эпох и человеческих судеб рождаются великие ответы на животрепещущие вопросы Бытия. Достаточно вспомнить знаменитый тютчевский «Цицерон», в котором ясно говорится о блаженстве человека, посетившего мир в *его минуты роковые*.

Поэзия – это самоутверждение личности через постижение Бога, являющего Свою вечность в мгновениях бытия, познаваемых М.А. Волошиным с помощью *апофатического* метода, что представляет собой *уникальное явление в литературе Серебряного века*. Вот поэтому мифотворчество поэта подчинено этой главной цели. Художник в конце своего творческого пути приходит к духовному, свободному стиху, выражает своё поэтическое кредо посредством библейских образов: Бог, Богоматерь, Христос, стремясь воплотить Лик Господний на Земле и в первую очередь на родной русской земле, *которая для поэта становится Неопалимой купиной, умирающей, но воскресающей, подобно птице Фениксу*. Инвариантная сущность архетипического сюжета со значением символа сохраняется и продолжает реализовываться во времени, активно коррелируя с культурным и историческим контекстами.

Можно с уверенностью говорить о том, что М.А. Волошин вписал свой творческий лик в многогранную литературу Серебряного века, несмотря на все противоречия, присущие данной эпохи. Он один из немногих поэтов и писателей Серебряного века (возможно, еще Борис Зайцев, Иван Шмелев, Николай Гумилев и Анна Ахматова), который осознанно от мифотворчества как такового приходит к ортодоксальному житнетворчеству во Христе, к теургическому сознанию, т.е. к абсолютной мифологии, о чем есть свидетельство его духовного наставника отца Арсения. Мифобиблейское предание не только стало сущностью волошинских произведений, но *образом жизни, ликом в мироздании, микротекстом вселенского макротекста*.

Проведенное исследование, таким образом, открывает широкие перспективы для изучения тенденций современного литературного процесса в свете традиции, заложенной Максимилианом Волошиным, открывает широкие возможности изучения писателей и поэтов Серебряного века с точки зрения мифопоэтического сознания, которое оказывается не ложным восприятием бытия, но самой, если воспользоваться мыслью А.Ф. Лосева, сущей правдой.

Творческий путь художника проходил не на обочине историко-литературного процесса, но явился **нервом** эпохи, что особенно отразилось в годы Революции и гражданской войны, когда поэт собственной жизнью доказывал свою нравственную позицию, соединив воедино поэтический текст, святоотеческую традицию, христианскую философию и Св. Писание в поэтическом Лице, в реальности бытия, в реальностях *структурного параллелизма литературного и жизненного текста*, добившись уникального синтеза в культурологическом процессе познания мироздания, сотворив *новую модель творческой личности, отражающей и преобразующей бытие*.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Заяц, С.М., Акбашева А.С. **Миф и библия в творчестве Максимилиана Волошина**: Монография. – Стерлитамак: Гос. Пед. Акад. Им. Зайнаб Биишевой, 2010. – 176 с. – (10,4 п.л.) ISBN 978-5-86111-355-7.

2. Заяц С.М. **Мифотворчество и религиозно-философские искания Максимилиана Волошина на перепутьях Серебряного века**: монография / С.М. Заяц. – М. Флинта: Наука, 2016. – 376 с. ISBN 978-5-9765-2573-3, ISBN 978-5-02-038982-3

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

3. Заяц, С.М. Памяти Максимилиана Волошина / С.М. Заяц // Русская словесность № 5, Москва, 2012 г. с. 31-34. ISSN 0868-9539. Режим доступа schoolbook@bk.ru

4. Заяц, С.М. Максимилиан Волошин в контексте эпохи Серебряного века / С.М. Заяц // Русская словесность № 2, Москва, 2013 г. С. 57-62. ISSN 0868-9539. . Режим доступа schoolbook@bk.ru

5. Заяц, С.М. Личность М. Волошина в контексте традиций русского символизма / С.М. Заяц // Русская словесность № 5, Москва, 2013 г. С. 14-18. ISSN 0868-9539. Режим доступа schoolbook@bk.ru

6. Заяц. С.М. Максимилиан Волошин и киммерийский миф / С.М. Заяц // Вопросы филологии № 1 (43), Москва, 2013 г., С. 71-74 ISSN 1562-1391 Режим доступа <http://istina.msu.ru/journals/426553/>

7. Заяц, С.М. «Киммерийская весна» Максимилиана Волошина как этап мифотворчества и житнетворчества / С.М. Заяц // Вестник Башкирского университета, № 2 , Уфа, 2013 г., С. 449 – 453. ISSN 1998-4812. Режим доступа <http://bulletin-bsu.com/rules/>

8. Заяц, С.М. «Киммерийская весна» Максимилиана Волошина как этап мифотворчества и житнетворчества / С.М. Заяц // Вестник Башкирского университета, № 4 , Уфа, 2013 г. С. 1113-1118. ISSN 1998-4812. Режим доступа <http://bulletin-bsu.com/rules/>

9. Заяц, С.М. Лик М. Волошина и эстетика символизма / С.М. Заяц // Филологические науки. Вопросы теории и практики № 7 часть 1, Тамбов, изд. ГРАМОТА 2013 г. С.72-75 ISSN 1997-2911. Режим доступа www.gramota.net
10. Заяц, С.М. Максимилиан Волошин. «Сказание об иноке Епифании». / С.М. Заяц // Филологические науки. Вопросы теории и практики № 8 часть 2, Тамбов, изд. ГРАМОТА 2013 г. С.70-72. ISSN 1997-2911. Режим доступа www.gramota.net
11. Заяц, С.М. Роль мифа в русской литературной традиции/ С.М. Заяц // Русская словесность № 4, Москва, 2014 г. С. 40-47. ISSN 0868-9539. Режим доступа schoolbook@bk.ru
12. Заяц, С.М. Лик М. Волошина на перекрестке мировых культур и цивилизаций / С.М. Заяц // Филологические науки. Вопросы теории и практики № 11 часть 1, Тамбов, изд. ГРАМОТА 2014 г. С.82-84. ISSN 1997-2911. Режим доступа www.gramota.net
13. Заяц, С.М. Мифопоэтический и философский путь М. Волошина в таинственный мир художественного искусства / С.М. Заяц // Вестник славянских культур № 3, 2014. С. 104-117. ISSN 2073-9567. Режим доступа [vsk_gask@mail.ru/](mailto:vsk_gask@mail.ru)
14. Заяц, С.М. / Библейский образ и его творческое преломление в духовном пути М.А. Волошина в контексте Серебряного века / С.М. Заяц // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». № 3, 2014. С.38-44. ISSN 1994-3725. Режим доступа <http://rqf.tversu.ru/node/408>
15. Заяц, С.М. «Звезда Полюнь». Своеобразие духовных исканий Максимилиана Волошина / С.М. Заяц // Вестник Тверского государственного университета . Серия «Филология». № 1, 2015 С.35-41. ISSN 1994-3725. Режим доступа <http://rqf.tversu.ru/node/408>
16. Заяц, С.М. Роль революции и мировой войны в формировании духовного облика М.А. Волошина / С.М. Заяц // Русская словесность № 3, Москва, 2015 г. С. 43-54. ISSN 0868-9539. Режим доступа schoolbook@bk.ru
17. Заяц, С.М. Максимилиан Волошин. Начало пути: «Быть заключенным в темнице мгновенья» / С.М. Заяц // Вестник Московского государственного гуманитарного университета. Серия «Филологические науки». Москва, № 2, 2015. С. 14-21. ISSN 1992 - 6391 Режим доступа <http://mggu-sh.ru/science/vestnik>
18. Заяц, С.М. Лики и личины русской смуты в поэтической мастерской Максимилиана Волошина. «Протопоп Аввакум» / С.М. Заяц // Филологические науки. Вопросы теории и практики № 7 часть 1, Тамбов, изд. ГРАМОТА 2015 г. С.76-79. ISSN 1997-2911. Режим доступа www.gramota.net
19. Заяц, С.М. Романтическая исключительность лирического «Я» в поэзии Н.С. Гумилева / С.М. Заяц / Литература в школе №10, Москва, 2015, С. 13-16, ISSN 0130 - 3414. Режим доступа ww.litervsh.ru
20. Заяц, С.М. Лик М.Волошина как слепок времени и пространства Серебряного века / С.М. Заяц // Вестник славянских культур № 4, 2015. С.38-49. ISSN 2073-9567. Режим доступа [vsk_gask@mail.ru/](mailto:vsk_gask@mail.ru)
21. Заяц, С.М. Ценность творчества И.А. Бунина для современного читателя / С.М. Заяц / Литература в школе №3, Москва, 2016, С. 10-13, ISSN 0130 - 3414. Режим доступа ww.litervsh.ru

Публикации в сборниках материалов всероссийских и международных конференций

22. Заяц, С.М. Проблема преподавания мифопоэтического наследия Максимилиана Волошина в школе / С.М. Заяц // Формирование профессиональной

компетентности студентов в системе вузовской подготовки: проблемы, поиски, решения. Сб. материалов в 3-х частях заочной Международной научно-практической конференции. г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, 25 ноября 2010 г. часть 1, Стерлитамак, 2011. С. 106-112.

23. Заяц, С.М. Лунный миф Максимилиана Волошина. Пути преодоления / С.М. Заяц // Изучение творческого наследия Л.Н. Толстого в школе и ВУЗе. Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Республика Башкортостан, г. Стерлитамак 15 декабря, 2010 г. Уфа, РИЦ БАШГУ 2011. С. 90-106.

24. Заяц, С.М. Максимилиан Волошин в современной школе / С.М. Заяц // Управление качеством образования: теория и практика. Сб. материалов III Международной научно-практической конференции. Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 26-28 апреля 2012 г. Стерлитамак, 2012. С. 79-83.

25. Заяц, С.М. Литургика М. Волошина. Дом поэта как перекресток мироздания / С.М. Заяц // Теоретические и методические аспекты изучения литературы. Вторые Качуринские чтения. Сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Республика Башкортостан г. Стерлитамак, 18 мая 2012 г. Стерлитамак, 2012 г. С. 61-71.

26. Заяц, С.М. Русское слово в творчестве Максимилиана Волошина / С.М. Заяц // Образотворческие и смыслопорождающие функции художественного текста. Сб. материалов очно-заочной Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 16 ноября 2012 г. Стерлитамак, 2012. С. 106-112.

27. Заяц, С.М. Мифологические и библейские образы на уроках литературы / С.М. Заяц // Образование в пространстве школы и ВУЗа: опыт, проблемы, перспективы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 30-31 октября 2012 г. Стерлитамак, 2013. С. 149-153.

28. Заяц, С.М. «Возношения» Максимилиана Волошина. Поэт и сеятель / С.М. Заяц // XVI Волошинские Чтения. Международная научно-практическая конференция «Совопросник века сего...» Сборник научных статей, Симферополь, 2013. С. 218-230.

29. Заяц, С.М. Аксиологический подход в изучении литературы Серебряного века / С.М. Заяц // «Управление качеством образования: Теория и практика». Сборник материалов IV международной научно-практической конференции Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 20 мая 2013 года, Стерлитамак, 2013. С. 80-83.

30. Заяц, С.М. Николай Станкевич как знаковая фигура русской культуры / С.М. Заяц // Проблемы Российского самосознания: патриотизм, гражданственность и отечественная культура (к 200-летию со дня рождения Н. Станкевича): материалы 10 Международной научной конференции (Москва, 3 октября 2013 г., Белгород, 8-10 октября 2013 г.); под общ. Редакцией С.А. Никольского / Ин-т философии Рос. акад. Наук, Белгородский Рос. нац. иссл ун-т. – М.; Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГу», 2013. – С. 208-213.

31. Заяц, С.М. Ценность наследия И.А. Бунина для современного читателя / С.М. Заяц // Духовные векторы литературы: Сопряжения и пересечения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии. Белгород 2014. С.354-357.

32. Заяц, С.М. Ликотворчество М. Волошина как образ стояния творческого человека в мироздании / С.М. Заяц / XVII Волошинские чтения. Международная научно-практическая конференция «ВСЕЛЕННАЯ СВОБОДЫ И ЛЮБВИ...» Сборник научных статей / Сост. Н.М. Мирошниченко, Т.М. Свидова – Симферополь: ООО «Антиква», 2016. – С. 44-54.

Учебно-методические материалы

33. Заяц, С.М. Максимилиан Волошин – лик и дух времени / С.М. Заяц // Саарбрюккен, изд-во Palmarium Academic Publishing (Германия), 2013. 102 с.

Публикации в других изданиях

34. Заяц, С.М. Миф Максимилиана Волошина о жертвенной любви в её зеркальном отражении. Поэт и Эдипов миф» / С.М. Заяц // Культура провинции. Сборник научных статей. Вып. 2. Курган, Изд-во Курганского гос. Ун-та, 2010 . С. 35-38.

35. Заяц, С.М. Мифотворчество М.Волошина о Лике и Поэте / С.М. Заяц // Труды Стерлитамакского филиала Академии наук республики Башкортостан. Серия «Филологические науки» Выпуск 4. Изд-во «Гилем» Уфа - 2010. С. 121-125.

36. Заяц, С.М. Максимилиан Волошин: на перекрёстках мироздания / С.М. Заяц // Образование в современной школе № 6, 2011. С. 30-33.

37. Заяц, С.М. «Письма в вечность» (литературно-музыкальная композиция, посвящённая М. Волошину) / С.М. Заяц // Образование в современной школе № 9, 2011. С. 51-57.

38. Заяц, С.М. Духовный путь Максимилиана Волошина / С.М. Заяц // Русский язык и литература для школьников № 3 2013. С. 58-64.

39. Заяц, С.М. Библейский образ «Неопалимой купины» в цикле «Война» в мифотворчестве М. Волошина / С.М. Заяц // Любить дело в себе... Книга памяти профессора В.А.Зарецкого: Статьи, материалы личных архивов, воспоминания. Стерлитамак – 2013. С. 422-433.

40. Заяц, С.М. Пошук смислів у сучасній цивілізації / С.М. Заяц // Вісник Київського національного лінгвістичного університету/ Серія Історія. Економіка. Філософія. 2013. Випуск 18. С. 61-65.

41. Заяц С.М., Кабанюк Л.П. В чем смысл человеческой жизни (интегрированный урок) / С.М. Заяц, Л.П. Кабанюк // Образование в современной школе, № 1, 2013. С. 51-58.

42. Заяц С.М., Кабанюк Л.П. Романтизм как литературное направление (урок зарубежной литературы в 9 кл.) / С.М. Заяц, Л.П. Кабанюк // Образование в современной школе № 7, 2013. С. 12-16.

43. Заяц, С.М. Максимилиан Волошин. Миф о самом себе. / С.М. Заяц // Русский язык и литература для школьников № 1 2014. С. 12-23.

44. Заяц, С.М. Истоки романтизма в поэзии Н.С. Гумилева / С.М. Заяц // Русский язык и литература для школьников № 3 2014. С.11-20.

45. Заяц, С.М. Борис Зайцев как лик Серебряного века в контексте русской православной традиции / С.М. Заяц // Русский язык и литература для школьников №8 2014. С. 32-40.

46. Заяц, С.М. Библейские образы в духовном мире М. А. Волошина / С.М. Заяц // Русский язык и литература для школьников № 10 2014. С. 28-35.

47. Заяц, С.М. Несколько слов о символизме / С.М. Заяц // Русский язык и литература для школьников № 3 2015.

Зяц Сергей Михайлович

**«Мифотворчество и религиозно-философские искания Максимилиана
Волошина на перепутьях Серебряного века»**

Исследование посвящено изучению этапов становления духовного и мифопоэтического мира Максимилиана Волошина на «вещих перепутьях» Серебряного века. На материале творчества поэта проанализированы формы и пути реализации мифобиблейского сознания на перепутьях Серебряного века; рассмотрена на обширном материале творческого наследия Максимилиана Волошина типология конкретных мифобиблейских образов в большом временном охвате, в хронологической последовательности. Подвергнуты анализу интертекстуальные связи в контексте волошинского хронотопа, выявлены разные уровни понимания мифобиблейских текстов в парадигме их репрезентативных вариаций и соотношений традиционных и индивидуально-авторских контекстов и смыслов этих вариаций. Теоретически осмыслен и представлен механизм отражения, преломления и преобразования мифобиблейских сюжетов и образов в творчестве М.А. Волошина. Исследование вносит существенный вклад в изучение творчества М.А. Волошина в религиозно-мифологическом аспекте и предлагает новый взгляд на смыслопорождающие модели в художественном наследии поэта.

Практическая значимость определяется авторскими научными разработками, демонстрирующими результаты данного исследования, позволившими рассмотреть творческое наследие Максимилиана Волошина в типологическом аспекте, и возможностью использования результатов исследования в процессе преподавания курса по истории русской литературы XX века (1-я пол.) для студентов филологических специальностей.

Zayats Sergei Mikhailovich

**“Creation of myths and religious-philosophical search by Maximilian Voloshin at the
crossroads of the Silver Age”**

The given research studies the stages of formation of spiritual and mythopoetical world of Maximilian Voloshin at “prophetic crossroads” of the Silver Age. The forms and ways of implementing mythological and biblical consciousness at the crossroads of the Silver Age are analyzed basing on material of the poet’s works; the typology of mythological and biblical specific images, used in a great temporal scope, in chronological order, is examined in the vast material of the creative heritage of Maximilian Voloshin. The intertextual connections taken in the context of Voloshin’s chronotop are analyzed. The author reveals different levels of understanding of mythological and biblical texts in the paradigm of representative variations and interrelations of traditional and individual writer’s contexts and meanings of those variations. The mechanism of reflection, refraction and transformation of mythological and biblical themes and images in the works of M.A. Voloshin is theoretically conceptualized and presented to the reader. This issue makes a significant contribution to the study of creative works of M.A. Voloshin in religious and mythological aspect, besides it offers a new view of the conceptual models in the artistic heritage of the poet.

The practical significance is determined by the author’s scientific research, showing the results of this study, which allow to explore the creative heritage of Maximilian Voloshin in typological aspect; the results of the research in question can be used in the process of teaching students of philological specialties of the history of Russian literature of the 20th century (the 1st half).